

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Диссертационный совет Д. 09.11.037

На правах рукописи
УДК:

УСЕКЕЕВ Э.Ж.

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА ВЛАСТИ

09.00.11. – социальная философия

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

БИШКЕК – 2013

Работа выполнена в Отделе социальной философии, эстетики и этики
Института философии и права Национальной Академии наук Кыргызской
Республики

Научный консультант: доктор философских наук,
член-корр. НАН КР Тогусаков О.А.

Официальные оппоненты: доктор философских наук, член-корр.
НАН КР, профессор

доктор философских наук,
профессор, доктор философских наук,

Ведущая организация:

Защита состоится 2013 г. в 12 час. 00 мин. на заседании диссертационного Совета Д по философским наукам при Институте философии и права НАН КР по адресу: Бишкек , проспект ЧУЙ, 265–а, актовЫй зал

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Национальной Академии наук

Автореферат разослан 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат философских наук

Акматова Н.С.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Власть относится к числу фундаментальных, наиболее масштабных, многоплановых, всеохватывающих явлений общественной жизни. Власть, господство и подчинение относятся к базовым характеристикам любого социума, который не может существовать без и вне системы властных отношений.

Традиционно власть является предметом всевозможных политологических, социологических, исторических и психологических исследований, в которых власть оценивается преимущественно как «социальный феномен, отражающий способность, право и возможность распоряжаться кем-либо, чем-либо, оказывать решающее воздействие на судьбы, поведение и деятельность, нравы и традиции людей с помощью различного рода средств – закона, права, авторитета, воли, суда, принуждения»¹.

Что, касается философских исследований феномена власти, то в силу специфики философии, проявляющейся в способности охватывать анализируемый объект наиболее широким образом и стремлении проникнуть в его глубь данные исследования, в той или иной мере включают и объединяют в себе данные и выводы всех вышеперечисленных дисциплин, получающих, однако, философскую интерпретацию. В силу этого философский анализ власти является наиболее общим и осуществляемым на наиболее высоком уровне абстракции.

Наиболее полное и адекватное выражение категория власти находит в сфере политики, захватывающей большинство областей общественной и государственной жизни. При этом большинство исследователей считает, что лишь власть, осуществляемая государством, является политической властью, которая отличается относительным совершенством внутренней организации и степенью подчинения себе управляемых. Власть, как и государство, составляет один из ключевых элементов политической реальности, которая в свою очередь является одной из важнейших частей социальной действительности вообще. Именно по этой причине в течение многих веков мыслители самых разных народов, ученые и исследователи пытались определить фундаментальную природу власти, основные ресурсы, обеспечивающие обладание ею и ее реализацию, источники власти, пределы ее применения, факторы ее возникновения и эволюции и т.д.

История кыргызской государственности насчитывает достаточно большое количество лет, однако ее современным формам, ориентированным на либеральные ценности, лишь двадцать лет, что делает проблему управления и власти весьма острой и напряженной, особенно если учесть, что в течение всего лишь двух десятилетий в Кыргызстане насильственным путем были смещены две главы государства.

Все вышесказанное свидетельствует о высокой степени актуальности избранной темы исследования и обусловило ее выбор.

¹ Халипов В.Ф. Власть: Кратологический словарь. – М., 1997. – С. 43.

Степень разработанности проблемы. В силу иерархического характера отношений во всех существовавших когда-либо и существующих ныне сообществах интерес к власти сопутствовал всей истории мировой социально-философской и политической мысли. Основные подходы к ее исследованию начали формироваться еще в древние времена. Платон в IV веке до н.э. в диалоговой форме написал «Государство», в котором власть была одной из центральных тем. Аристотель в своей «Политике» говорил о необходимости создания научной дисциплины, главным объектом которой, по его мнению, должна была быть власть. В IV в. до н.э., т.е. практически одновременно с Платоном и Аристотелем, в Древнем Китае был написан один из наиболее известных восточных трактатов о власти – «Книга правителя области Шан»¹. Достаточно близко по времени с «Книгой правителя области Шан» в Древней Индии был написан трактат «Артхашастра, или Наука политики»², одной из основных проблем в котором также была проблема власти.

Проблемы разумного государственного устройства и власти были также предметом анализа отдельных мыслителей Востока, в частности, Лао-Цзы (VI–V вв. до н.э.) и Конфуция (551–479 до н.э.), основателей, соответственно, даосизма и конфуцианства.

В Новое время внимание многих мыслителей – Т. Гоббса, Д. Юма, Н. Макиавелли, Б. Спинозы, Ж.-Ж. Руссо, К. Маркса, Ф. Энгельса и др. – было сосредоточено, прежде всего, на государственной власти и власти экономической. В XX веке в разных странах было создано большое количество теорий власти, наиболее влиятельными из которых остаются концепции М. Вебера, К. Ясперса, Ф. Хайека, Г. Маркузе, К. Поппера, Х. Арндт, Э. Канетти, М. Крозье, Ю. Хабермаса и др.

В Советском Союзе категория «власть» отождествлялась с государственной властью или истолковывалась в прагматической и утилитаристской плоскости как средство для организации и удовлетворения материальных интересов.

В постсоветское время власть стала объектом исследований многих российских ученых, а именно А. Авторханова, В. Андрианова, К.С. Гаджиева, С.Б. Каверина, В.М. Кайтукова, В.В. Крамника, А.С. Панарина, Э.П. Теплова, Ж.Т. Тощенко, В.Ф. Халипов, а А.И. Юрьева и др.³

В отечественной гуманитарной науке феномен власти не был предметом отдельных самостоятельных исследований. Однако во многих трудах таких ученых, как С.М. Абрамзон, А.А. Айтбаев, Ш.Б. Акмолдоева, А.А. Алтмышбаев, Б. Аманалиев, М.М. Амердинова, А.А. Асанканов, Р.А. Ачылова, Г. Бакиева, А.А. Бекбоев, Ж.Б. Бокошов, Б. Джамгырчинов, Д. Джунушалиев, С.С. Иманова, А.И. Исмаилов, А.Ч. Какеев, И. Молдобаев, С.М. Мукасов, А.И. Нарынбаев, Ч.Т. Нусупов, Р.Д. Стамова, Ж.К. Урманбетова, У.К. Чиналиев и др., рассматривались отдельные аспекты и специфические черты вла-

¹ См.: Книга правителя области Шан. – М., 1993.

² См.: Артхашастра, или Наука о политике. – М., 1993.

³ Полные данные о трудах авторов приведены в диссертации.

сти либо ее общекультурные предпосылки.

В истории гуманитарной мысли власть редко становилась объектом исследования в качестве философской категории, тогда как специалисты из других областей знания приходили к необходимости ее философского осмысления. Данная мысль вполне справедлива и по отношению кыргызской общественной науке, в которой до сих пор не было работ, в которых в комплексной форме исследовалась бы проблема власти. Это исследование в определенной мере восполняет данный пробел.

Объект и предмет исследования. **Объектом** данного исследования выступают власть как особый феномен социальной действительности. **Предметом** же исследования являются сущность власти, ее цивилизационные основы и специфика, особенности и факторы, влиявшие на становление институтов власти в Кыргызстане.

Цель и задачи исследования. **Основной целью** диссертации является философский анализ феномена власти, выявление особенностей его формирования и специфических черт институтов власти в кыргызском традиционном обществе, а также их состояния в современном Кыргызстане.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи исследования:

- обосновать необходимость и особенности философского осмысления феномена власти;
- определить сущность власти;
- выявить цивилизационные основы системы властных отношений через феномен государства;
- определить цивилизационную специфику власти;
- выявить особенности системы властных отношений в традиционном кыргызском обществе;
- определить особенности системы властных отношений в современном Кыргызстане.

Методологические и теоретические основы диссертационного исследования составляют труды, взгляды, идеи и положения представителей отечественной и зарубежной философской, политической, социологической и культурологической мысли по проблемам власти, государства, этноса, культуры.

При концептуальном рассмотрении избранной темы диссертант использовал наиболее общие принципы научного исследования: требование всестороннего подхода, историзма, всеобщей связи явлений и т.д. Наряду с этим изучение центральных проблем диссертации осуществлялось на основе общелогических методов, а именно: анализа и синтеза, абстрагирования, аналогии и т.д. Использовались также системно-целостный, сравнительно-исторический, цивилизационно-культурологический подходы.

Научная новизна исследования. В Кыргызстане до настоящего времени не проводилось ни одного комплексного философского исследования, по-

священного проблемам власти. В представленной работе в комплексно-системной форме предпринята попытка анализа феномена власти.

Получен ряд следующих результатов, обладающих статусом научной новизны:

- были выявлены некоторые особенности философского осмысления феномена власти;
- были определены некоторые новые аспекты сущности власти;
- были выявлены цивилизационные основы системы властных отношений через феномен государства;
- были выявлены некоторые особенные моменты и черты власти, определяемые цивилизационной спецификой;
- был определен комплекс особенностей системы властных отношений в традиционном кыргызском обществе;
- был выявлен ряд особенностей системы властных отношений в современном Кыргызстане.

К научной новизне также можно отнести некоторые из выносимых на защиту положений.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Сущностью власти является эффективное воздействие на людей с целью их взаимоуживаемости и взаимоприспособляемости, выработка различных структур, обеспечение их функционирования, тесное взаимодействие этого относительно целостного и главенствующего организма с другими сферами человеческого существования – социальной, экономической, культурной, международной. Не существовало и не может существовать сообществ вне иерархических форм жизни, т.е. основывающихся на принципе, системе отношений «веление – подчинение». У такой системы отношений располагает не только целесообразность, разумность, но и весь естественный порядок вещей, проявляющийся в неизбежном различии в возрасте, в поле, в том или ином роде неодинаковости и неравноценности членов, составлявших любые сообщества.

2. Власть дает множество преимуществ тем, кто ею обладает, и поэтому она может быть даже предметом влечения. Однако в строгом смысле любят не собственно власть, а те блага, которые способно предоставить обладание ею, – независимость, возможность влиять на людей и события в желаемом направлении, признание, уважение, почитание и множества других благ, в том числе нередко материальные. Власть, при условии обладания ею, на деле является наиболее надежным инструментом, средством, доставляющим эти блага, так важные для человеческого самолюбия, самочувствия. С учетом этого можно заключить, что сущность власти состоит в ее способности доставлять определенного рода блага, ценность которых очевидна.

3. Феномен власти предполагает существование в любом обществе и государстве, безотносительно к его культурной и прочей специфике, отношений господства и подчинения. Необходимость и целесообразность институтов власти, дополняемые их в целом рациональным характером, составля-

ют позитивный момент власти, независимо от того, каким именно образом она осуществляется. Власть в этом случае необходима и имеет положительный характер как средство обеспечения организованности общества, его существования и развития в качестве единой целостной системы. Государство, какими бы конкретными изъянами оно не страдало, какой бы противоречивой природой не было наделено, в целом представляет собой единство всеобщего и частного интересов, соединение всеобщей и частных идей.

4. Власть всегда осуществляется реальными людьми, не только имеющими определенные изъяны, но и часто преследующие свои узко эгоистичные цели. И по этой причине власть с необходимостью приобретает положительные и отрицательные черты, обусловленные и обнаруживающиеся на уровне реальных личностей, осуществляющих власть. Сообразно данному обстоятельству и положительная идея государства, в которой власть находит высшее свое развитие и воплощение, может осуществляться в реальной жизни с множеством издержек и негативных последствий. Противоречие, возникающие между более или менее идеальными намерениями, и тем, каким образом эти намерения осуществляются, составляет одно из главных противоречий человеческой жизни вообще.

5. Одним из основных моментов современного развития человечества является его беспрецедентный динамизм. Подавляющая часть народов позитивно воспринимает идею динамического развития. Неприятие динамической составляющей культуры, протестные отношения против интенсивного развития чреватые не только отставанием в экономике и культуре, но и значительными социальными катаклизмами и потрясениями. Власть в государствах, в которых наблюдается замедленное развитие, вынуждена затрачивать много энергии, времени и ресурсов на разрешение различных социальных противоречий и конфликтов, а не на созидательную деятельность, как это происходит в странах, характеризующихся высоким динамизмом развития и значительным экономическим потенциалом.

6. Категория власти подразумевает существующие в любом обществе, независимо от времени и места, этнической специфики и т.д., необходимые и неизбежные отношения господства и подчинения. Именно универсальное в феномене власти делает в принципе возможным заимствование не только опыта и форм правления, но и целых политических институтов и соответствующих им правовых форм и институтов, если в этом существует действительная необходимость. С другой стороны, собственный исторический опыт, культурная и ментальная специфика какой-либо общности накладывает отпечаток не только на ее властные и политические формы и институты, но и на то, как быстро и эффективно, с какими конкретными издержками данная общность может освоить иные политические формы и институты. Поступательное развитие человечества не оставляет иного выбора, кроме того, чтобы двигаться неуклонно вперед. И, следовательно, принципиальным здесь может быть только – рано или поздно и с какими конкретными издержками, что в свою очередь зависит в целом от цивилизационной специфики кыргызского

народа.

7. Каждая общность, этнос, продвигаясь вверх по эволюционной спирали, преодолевает трудности в своем развитии с неодинаковой скоростью и в различные сроки. И вследствие этого такие универсальные явления, в смысле их неизбежности и общеобязательности, как абсолютная власть внутри общности, корпоративность и клановые связи, были характерны для всех сообществ. Они характерны в той или иной мере и для многих современных сообществ. Различие состоит лишь в том, что одни народы уже прошли данную фазу, этап развития, а другие – еще нет либо прошли не в полной мере.

8. Кыргызский этнос продолжает сохранять и в настоящее время многие компоненты традиционализма, проявляющиеся главным образом в определенных поведенческих стереотипах, ценностных оценках, привычках вести себя тем или иным образом, приверженности к клановым интересам и т.д. Традиционные общества в силу своей культурной специфики, коллективистских ценностей и предпочтений отрицают плюрализм и тяготеют к авторитаризму, который, помимо всего прочего, обусловлен существующей стратификацией общества, характеризуемой незначительной степенью социальной дифференциации, а также необходимостью поддержания привычного для общества порядка и пресечения попыток несоблюдения традиционных норм или их изменения.

9. Если сравнивать власть в ее ценностной плоскости в традиционном и нетрадиционном обществе, то можно утверждать, что власть на уровне индивида в традиционном обществе обладает более высокой ценностью, чем в нетрадиционном. Это неизбежно, поскольку в условиях ограниченных возможностей люди, устремленные к тем или иным жизненным благам и состоянию безопасности, используют для этого все имеющиеся в их распоряжении средства. А власть в таких условиях является одним из самых действенных средств, способных доставить желаемые блага. Чем ограниченной в своих возможностях то или иное общество, тем привлекательней в нем в материальном и психологическом плане власть. В развитых обществах индивиды располагают большими возможностями для удовлетворения тех или иных своих потребностей и, соответственно, большей независимостью от других индивидов. Этому же способствует разделение власти на три ветви, предоставляющее индивидам определенные гарантии их свобод и существенно ограничивающее произвол со стороны властей и других индивидов. Все это вместе способствует снижению стимулов к власти.

10. В советское время в Кыргызстане получило развитие градостроительство, что придало процессу распада кыргызского традиционного общества необратимый характер. Тем не менее, локальные традиционные общины, проживавшие в сельской местности, были сохранены в малоизмененном виде. Вместе с ними сохраняются традиционные локальные интеграторы. Промышленное развитие и процесс урбанизации в Кыргызстане происходил не через вовлечение коренного населения в город, а главным образом через приток материальных и людских ресурсов извне. Данное обстоятельство в

сочетании с идеологией и экономикой коллективистского типа, государственным патернализмом и неразвитыми рыночными отношениями способствовали глубокой консервации сельского уклада жизни, а с ними многие элементы кыргызского традиционного общества с характерными для него ценностями, предпочтениями, морально-этическими нормами, стереотипами поведения и т.д.

11. Для современной системы властных отношений в Кыргызстане, как и в политической сфере вообще, свойственны такие черты, трайбализм, клановость и местничество. Все эти черты являются «родимыми пятнами» традиционного общества, его реакцией, ответом на интенсивные трансформации политической и социально-политической реальности. Основная масса кыргызов и в настоящее время придает большое значение родовой и клановой, племенной и региональной принадлежности. В государственной и общественно-политической системе страны продолжают существовать достаточно мощные авторитарные тенденции, обусловленные тем, что наиболее влиятельные политические, административные, финансовые группировки, объединенные главным образом по клановому принципу, стремятся заполучить как можно больше власти. Ее обретение усиливает положение этих группировок.

Теоретическая значимость исследования состоит в углублении и расширении социально-философских знаний о феномене власти, а также об особенностях формирования институтов власти в кыргызском традиционном обществе и современном их состоянии, которое все еще продолжают нести некоторые черты традиционализма.

Полученные в исследовании результаты, обобщенные в социально-философскую концепцию, могут служить в качестве основы для дальнейших научно-теоретических исследований по проблемам власти и эволюции современных институтов власти в Кыргызстане.

Практическая значимость исследования. Теоретико-методологические принципы, выводы и результаты исследования могут быть использованы при создании специальных курсов по социальной философии, философии культуры, культурологии, теории культуры, истории мировой культуры и т.д. Они также могут быть использованы в научно-исследовательской работе по проблемам власти. Полученные результаты имеют смысл использовать в процессе преподавания философии в вузах, в учебных темах, где рассматриваются проблемы, связанные с осуществлением власти, а также эволюции и современного состояния институтов власти в Кыргызстане.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования получили отражение в 31 научных работах, в том числе: 5 статей – за рубежом, в индивидуальной монографии, а также в 25 научных статьях.

Основные идеи диссертационной работы излагались в виде научных докладов, сообщений на международных научно-теоретических и научно-

практических конференциях (Бишкек, Алматы, Душанбе – 2009, 2010, 2011, 2012 гг.).

Диссертация обсуждена на расширенном заседании Отдела теории познания, истории и философии науки Института философии и политико-правовых исследований Национальной академии наук КР и рекомендована к защите.

Структура работы подчинена цели и задачам исследования. Она состоит из введения, трех глав, включающих в себя шесть параграфов, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, определяется степень ее разработанности, формулируются цель и задачи диссертации, раскрываются ее методологическая основа, новизна и практическая значимость.

В первой главе – «Теоретико-методологические основы исследования феномена власти» – обосновывается необходимость и выявляется специфика философского осмысления феномена власти, а также определяется его сущность.

В первом параграфе – «Власть как объект осмысления философии» – обосновывается необходимость и выявляется специфика философского осмысления феномена власти.

Практически любой общественный организм, социум, причем не только человеческий, не может существовать вне системы отношений, предполагающих, во-первых, дифференциацию членов социума по какому-либо признаку, и, во-вторых, систему их взаимоотношений, в той или иной мере выстраивающихся по принципу «верховенство – подчинение», т.е. предполагающих наличие определенных форм власти.

В.В. Мшвениерадзе указывает на то, что «понятие власти, впрочем, как и смежные с ним понятия авторитета, господства, влияния, силы и т. п., относятся к числу тех многомерных категорий социального знания – философии, политологии, социологии, психологии, политической экономии, этики, права, – которые по мере углубления в их изучение порождают значительно больше вопросов, чем позволяют дать на них однозначные ответы»¹.

Российский исследователь В.Ф. Халипов, одним из первых пытающийся заложить основы новой науки – так называемой кратологии, специализирующейся на описании феномена власти, вскрытии ее сущности, выделяя основные проблемы, тем или иным образом связанные с системой властных отношений, пишет: «В целом в необходимом первоочередном списке можно назвать следующие проблемы: власть и жизнь, власть и образ жизни, власть и народ, власть и общество, власть и государство, власть и отечество, власть и

¹ Власть: Очерки современной политической философии Запада / В.В. Мшвениерадзе, И.П. Кравченко, Е.В. Осипова и др. – М., 1989. – С. 10.

право, власть и конституция, власть и закон, власть и политика, власть и экономика, власть и культура, власть и наука, власть и информатика, власть и идеология, власть и мораль, власть и собственность, власть и рынок, власть и предпринимательство, власть и свобода, власть и патриотизм, власть и справедливость, власть и равенство, власть и совесть, власть и честь, власть и достоинство, власть и семья, власть и воспитание, власть и образование, власть и школа и т.д. А если посмотреть масштабно, обобщенно, то, собственно, в фокусе повсюду стоит проблема: человек и власть»¹. Очевидно, что большинство из перечисленных В.Ф. Халиповым феноменов, образующих с властью пары, могут быть и являются объектами осмысления философской науки. И не менее очевидно, что проблема «человек и власть», представляющая собой своеобразную квинтэссенцию всех перечисленных проблем, является в большей мере философской, чем какой-либо другой. С другой стороны, в силу перманентной актуальности проблемы власти и чрезвычайной важности самого феномена власти в жизни государства, общества, ее тотального характера, власть является одним из основных объектов анализа многих других гуманитарных наук – политологии, социологии, психологии, культурологии и др.

Традиция теоретического осмысления феномена власти, начатая еще в древнем мире, насчитывает более двух тысяч лет.

«Наиболее адекватное выражение, – указывает К.С. Гаджиев, – понятие власти находит в политической сфере. Большинство исследователей придерживается мнения, что лишь власть, осуществляемая государством, его институтами и должностными лицами, является политической властью. Она отличается совершенством внутренней организации и степенью подчинения себе управляемых. Специфическая особенность государственной власти состоит в том, что она осуществляется единой системой специальных центральных, или высших, и местных, или нижестоящих, органов, взаимосвязанных по вертикали и горизонтали»². «Власть, – пишет далее К.С. Гаджиев, – как и государство, составляет один из ключевых элементов мира политического»³.

В политологической науке власть определяется как исключительная функция политической системы, связанная с управлением в пределах своей специфической области; осуществление власти интерпретируется как однозначная функция веления, командования, опирающегося на нравственно-этическую, моральную, идеологическую, военную или другую материальную силу. С другой стороны, для выяснения природы власти, ее наиболее значимых, сущностных черт, формальных признаков и т.д. использовались подходы, средства и методы, явно выходящие за рамки собственно политической науки, что обусловило тот факт, что в пределах политологии наиболее широкое распространение получили концепции и подходы, анализирующие фено-

¹ Халипов В.Ф. Кратология как система наук о власти. – М., 1999. – С. 20.

² Гаджиев К.С. Введение в политическую философию. – С. 85.

³ Там же. – С. 86.

мен власти, с биологической, антропологической, психологической, социологической и философской точки зрения.

В соответствии с биологическим подходом власть, имея предпосылки и корни в биологической структуре, общей у человека и животных, не является прерогативой, спецификой человеческого вида. Другими словами, основу власти составляет природа человека как биологического существа, его физическое естество, животное начало.

В пределах психологического подхода власть понимается одновременно как общественный, так психологический феномен. Как общественный феномен власть подчиняется объективным законам, т.е. она не зависит от человеческих представлений о ней и стремлений людей, и определяется характером общественного развития. Однако как психологический феномен власть реализуется в сфере переживаний и восприятий индивида, которые зависят от его черт, формируемых как под воздействием общества, его особенностей, культуры, так и под влиянием всего уклада жизни.

Социологический подход при анализе феномена власти акцентирует свое внимание на политическом влиянии одной социальной группы на другую. Что же касается философского подхода в оценке феномена власти, то данный подход, в силу специфики философии, проявляющейся в способности охватывать анализируемый объект наиболее широким образом и стремлении проникнуть в его глубь, в той или иной мере включает и объединяет в себе все вышеуказанные подходы. В силу данного обстоятельства философский анализ власти является наиболее общим. Он не стремится затрагивать частных проявлений и благодаря наличию обширного семантического поля позволяет рассматривать феномен власти на наиболее высоком уровне абстракции. С позиций философского подхода власть трактуется преимущественно как способность и возможность субъекта – личности, партии, класса, государства и т.д. – осуществлять свою волю, оказывать желательное для субъекта воздействие на деятельность людей с помощью авторитета, права, насилия и прочих средств.

Очевидно, что все существующие в настоящее время основные направления исследования феномена власти, настаивая на своей правоте, вскрывают ту или иную грань, аспект власти. В совокупности же они, дополняя друг друга, дают достаточно полное и развернутое представление о феномене власти. Роль же философского подхода сводится главным образом к общему знаменателю всех указанных подходов. Однако этим данная роль далеко не ограничивается. Философский подход может предложить новые углы зрения, оригинальные взгляды на исследуемый объект, позволяющие вскрыть новые грани власти, сочетая ее с другими феноменами, которые ранее рассматривались изолированно от власти либо достаточно поверхностно, без акцента на власть. Наконец, философский подход позволяет наиболее полным, адекватным и корректным образом интегрировать в более или менее единую, целостную систему все вышерассмотренные подходы.

В.Д. Виноградов и Н.А. Головин, обращаясь к проблеме власти, не без

основания указывают на то, что феномен власти «является, пожалуй, самым противоречивым и непредсказуемым в общественной жизни. Ее сущностные характеристики охватывают большой спектр физических, цветовых и иных гамм: деспотическая, авторитарная, демократическая, “кровавая”, “коричневая”, “тупая” власть, элитарная, бюрократическая и т.д. В самих этих определениях власти содержится то основное качество, которое превалировало в те или иные периоды развития конкретного государства. Англичанин лорд Эктон пустил по миру крылатую фразу: “Власть – это зло, абсолютная власть – зло абсолютное”. М. А. Бакунин в категоричной форме провозгласил: “Власть – всегда аморальна”. Английский социолог Р. Мартин писал: “Власть, как и любовь, – это слово, постоянно используемое в повседневной речи, интуитивно понимаемое и редко определяемое”. В то же время власть – это порядок, сохранение целостности государства, его культуры, традиций, обеспечение его жизнедеятельности. Безвластие угрожает любому обществу анархией, развалом, упадком. Верно заметил Р. Арон: “Всякая власть кажется предпочтительной в отсутствие власти”»¹.

Очевидно, что противоречивость и непредсказуемость феномена власти в общественной жизни, упомянутые в цитате, являются прямым результатом противоречивости и непредсказуемости самих субъектов и объектов власти, т.е. людей, вступающих в определенные взаимоотношения и выстраивающие их основе повеления и подчинения.

В силу важности, многогранности и многофункциональности власти, ее практически постоянной актуальности в жизни общества и государства, тотального характера, многовековой истории ее исследования, в настоящее время власть определяется множеством авторов различным образом. Так, по Дж. Локку, власть – это право создавать законы, предусматривающие смертную казнь и другие, менее строгие меры наказания с целью регулирования и сохранения собственности, а также право примать силу сообщества для исполнения этих законов и для защиты государства от внешних нападений². В соответствии с определением, данным В.В. Мшвениерадзе, власть – это «способность превращать определенные ресурсы во влияние в рамках системы вопреки сопротивлению других объектов»³. Определение власти через ее ресурсные параметры дает также Т. Парсонс, по мнению которого, власть представляет собой способность мобилизовать ресурсы общества для реализации целей, предполагающих принятие и исполнение общественных обязательств, кроме того, власть – это обобщенная способность, гарантирующая исполнение связующих обязательств объединениями в общей системе коллективного устройства, когда обязательства определяются и соотносятся с целями коллектива и в случае неподчинения, неисполнения к объектам вла-

¹ Виноградов В. Д., Головин Н. А. Политическая социология. – СПб., 1997. – С. 52.

² См.: Локк Дж. Соч.: В 3 т. – М., 1988. – Т. 3. – С. 135.

³ Власть: Очерки современной политической философии Запада / В.В. Мшвениерадзе, И.П. Кравченко, Е.В. Осипова и др. – М., 1989. – С. 10.

сти применяются принудительные меры в соответствии с определенными санкциями¹.

Можно еще долго приводить другие дефиниции власти, но едва ли это будет иметь смысл, поскольку каждая из них будет вскрывать только определенные черты и грани власти, представляющей собой чрезвычайно обширное и противоречивое явление социальной действительности.

Наиболее полное, однако не исчерпывающее определение принадлежит В.Ф. Халипову, пытающемуся, как уже говорилось ранее, выделить власть и проблемы, имеющие к ней прямое и косвенное отношение, в отдельную научную дисциплину, отрасль знания. Данное определение выглядит следующим образом:

«Власть – это:

1) способность, право и возможность тех или иных лиц, органов, учреждений, систем распоряжаться кем-либо, чем-либо; оказывать решающее воздействие на судьбы, поведение и деятельность конкретных людей, их общностей и институтов с помощью различного рода средств – права, авторитета, воли, принуждения;

2) государственное, политическое, экономическое, духовное и иное господство над людьми;

3) система соответствующих государственных или иных управленческих органов;

4) лица, органы, учреждения, облеченные соответствующими государственными, административными и иными полномочиями;

5) единолично распоряжающийся судьбами и жизнями многих людей монарх, диктатор, полководец и т.д.»².

Однако, как указывает сам В.Ф. Халипов, в данном определении лишь «обозначена вершина смысла многозначного понятия, сформулированы только наиболее существенные, отправные, ключевые определения. Они могут уточняться и разнообразиться»³.

При таком разнообразии дефиниций и, соответственно, пониманий феномена власти представляет значительную сложность определить его сущности, относительно которой в современной научной среде не существует единой точки зрения, как, впрочем, ее не было ранее.

Во втором параграфе – «Сущность власти» – выявляются наиболее значимые черты феномена власти, ее сущность.

В настоящее время не существует общепринятого интегрирующего определения власти. «Непосредственно мир власти, – пишет В.Ф. Халипов, – это вся та обширная область жизни общества, основным содержанием и смыслом существования которой являются эффективное воздействие на людей с целью их взаимоуживаемости и взаимоприспособляемости, выработка

¹ См.: Parsons T. Politics and social structure: On the concept of political power. – N-Y., 1969. – P. 31.

² Халипов В.Ф. Кратология как система наук о власти. – М., 1999. – С. 34.

³ Там же.

различных структур, позволяющих людям жить, трудиться и по возможности радоваться совместной жизни, и обеспечение их функционирования, наконец, тесное взаимодействие этого относительно целостного и главенствующего организма с другими сферами человеческого существования – социальной, экономической, культурной, международной»¹.

Исходя из данной цитаты, можно сделать формально правомерное предположение, что сущностью власти является «эффективное воздействие на людей с целью их взаимоуживаемости и взаимоприспособляемости, выработка различных структур, ... обеспечение их функционирования, наконец, тесное взаимодействие этого относительно целостного и главенствующего организма с другими сферами человеческого существования – социальной, экономической, культурной, международной». Как социально-политический феномен власть является естественной противоположностью, антитезой анархии, безвластия. Рассмотрение всевозможных исторических форм общностей людей четко свидетельствует о том, что в истории не было сообществ, существовавших сколько-нибудь продолжительное время вне институтов власти, пусть даже самых неразвитых, примитивных. Не существовало и в принципе не может существовать сообществ вне иерархических форм жизни, т.е. основывающихся на принципе, системе отношений «веление – подчинение». К такой системе отношений предполагает не только целесообразность, разумность, но и весь естественный порядок вещей. Неизбежное различие в возрасте, в поле, тот или иной род неодинаковости и неравноценности членов, составлявших древние сообщества, были той реальной почвой, на которой изначально выстраивались иерархические отношения, которые, само собой разумеется, не существовали вне системы властных отношений и норм. Со временем, в процессе поступательного развития человечества различия, главным образом в социальной сфере, только росли, что с необходимостью усложняла как иерархические системы, так и властные отношения.

Если исходить из предположения, что сущность власти, в силу многогранного и противоречивого характера самого феномена власти, представляет собой нечто составное, многосложное, проявляемое через различные свои качества и ипостаси, то сущность власти можно и следует выявлять через те или иные наиболее значимые феномены. К примеру, через человеческую природу, а вернее, наиболее значимые его черты, в качестве которых вполне могут выступать, к примеру, воля, эгоизм, тщеславие и др.

Особенностью рассмотрения и интерпретации власти как философской категории, обладающей наивысшей степенью обобщенности, характеризуется также наибольшей степенью дифференциации, когда объектами осмысления становятся моральность и аморальность власти, ее непосредственная ценность и ценности, обусловленные обладанием властью, связь и соотношение между властью и ответственностью, влияние социальных норм на ха-

¹ Халипов В.Ф. Кратология как система наук о власти. – С. 61.

рактик власти, допустимые границы применения власти, соответствие власти принятым в обществе социальным нормам, традициям и нравам и др.¹

В поле зрения философской рефлексии неизбежно попадает эмоциональная, аффективная сфера человека. Власть же, оцениваемая в аффективной плоскости, по мнению исследователей проблем власти, часто является подлинной страстью, всепоглощающим влечением, которому трудно противостоять. По мнению Б. Рассела, в каждом человеке живут две ненасытные страсти, которые не могут быть удовлетворены в полной мере, а именно стремление к власти и стремление к славе. Первая определяется словом «властолюбие», вторая – словом «тщеславие» или «честолюбие». В строгом смысле любят, по нашему мнению, не собственно власть, а те блага, которые способно предоставить обладание ею. К примеру, независимость, возможность влиять на людей и события в желаемом направлении, признание, уважение, почитание, обожание, восторженные взгляды и слова, исходящие от других людей, и множества других благ, в том числе нередко материальные. Власть, при условии обладания ею, конечно, на деле является наиболее надежным инструментом, средством, доставляющим эти блага, так важные для человеческого самолюбия, самочувствия.

Характерно, что в философских определениях власти упор делается на волевою составляющую как основу власти.

Как известно, наиболее тесным образом феномены воли и власти были связаны воедино основоположником «философии жизни» – Ф. Ницше, вынесшим оценку власти на онтологических ее основаниях, т.е. с точки зрения ее сущности в чистом, так сказать, ее виде, безотносительно к социальным, религиозным, национальным и прочим чертам человека.

«“Жизнь”, – писал Ф. Ницше, – можно было бы определить как длительную форму процессов уравнивания силы, в течение которых силы борющихся, в свою очередь, растут в неодинаковой степени. Поскольку и в повиновении заключено противодействие, оно отнюдь не равносильно отказу от собственной власти. Точно так же в приказывании заключено признание, что абсолютная власть противника не побеждена. “Повиновение” и “приказывание” – формы борьбы»². Жизнь, по Ницше, предстает в форме и образе «жизненного потока» благодаря понятию становления, которое выступает как основополагающая, естественная, присущая от возникновения черта всего сущего. Тяга к росту, стремление к возрастанию является условием сохранения жизни. Жизнь, таким образом, в философии Ницше есть непрерывное становление, вне которого невозможно ее сохранение, и вследствие этого единство «сохранения – возрастания» основную черту жизни. Усилие становления, в котором воплощается «жажда жизни» всего того, что тянется жить, Ф. Ницше схватывает и включает в понятие «воля к власти», которая суть «самая внутренняя сущность бытия». «Если глубочайшая сущность бытия, – утверждал Ницше, – есть воля к власти, если удовольствие сопутствует вся-

¹ См., например: Russel B. Power. – London, 1938.

² Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. – М., 1994. – С. 300.

кому росту власти, а неудовольствие всякому чувству невозможности сопротивления, чувству невозможности одержать верх, можем ли мы в таком случае принять удовольствие и неудовольствие за кардинальные факты? Возможна ли воля без этих обеих крайних точек; без да и нет? Но кто чувствует удовольствие?.. Но кто хочет власти?.. Нелепый вопрос! Когда всякое существо само есть воля к власти, а следовательно, и чувство удовольствия и неудовольствия! И все-таки – оно ощущает нужду в противоположностях, в сопротивлении, т. е. относительно, в других единствах, стремящихся к расширению своих пределов»¹.

Стремление, хотение, воля к власти встроена природой во все живое. Таким образом, само это живое является основой воли к власти. «Известное количество сил, – писал Ф. Ницше, – связанных общим процессом питания, мы называем “жизнью”. Этот процесс питания предполагает как средства своего осуществления все формы так называемого чувствования, представления, мышления, т.е. 1) противодействие всем другим силам; 2) приспособление их в отношении формы и ритма; 3) оценка с точки зрения их усвоения или удаления»².

Органическое само по себе и в самом себе же содержит стремление к жизни, к возрастанию, к силе. Данное стремление выступает и основой жизни, и ее условием.

Каждый конкретный субъект в принципе устремлен к власти, и его власть или стремление к власти ограничивается властью другого субъекта. Именно тотальный характер воли к власти, интерпретируемой на онтологическом уровне, т.е. как естественное стремление индивида к самоутверждению, расширению своего влияния либо ограничению чужого влияния, власти, придает власти универсальный и неизбежный характер во всех возможных социумах.

Аберрации при оценке властных отношений возникают главным образом вследствие того, что индифферентность субъектов отношений к определенным формам власти, воспринимаются как безразличие к власти вообще, ко всем формам ее проявления. Традиционным для многих народов, в том числе кыргызского, и обществ является восприятие власти если не исключительно, то во всяком случае преимущественно как принуждение, подавление, насилие. Такое восприятие дополнительно искажается тем, что представление о власти ассоциативно связывается с административными и политическими ее формами. То есть при упоминании понятия «власть» в воображении людей возникают как правило образы правителей, начальствующих людей и т.п. При этом упускается из виду, что власть, интерпретируемая как господство, доминирование, преобладание, превосходство, перевес, имеет *значительное множество* форм своего проявления. Так, общеизвестной и первичной во всех обществах является власть родителей над своим ребенком. Однако необходимо признать, что и дети могут иметь (и часто на деле имеют)

¹ Там же. – С. 330.

² Там же. – С. 300.

власть над родителями. Особенно же в тех случаях, когда родители любят свое дитя. Существует власть, возникающая на почве влюбленности. Любой влюбленный желает власти над своей возлюбленной. Так же как любая влюбленная стремится к власти над своим возлюбленным. Существует власть духовная. Популярность, которой жаждут многие и многие люди, является, по сути, одной из форм власти. Можно до бесконечности продолжать другие разновидности власти. И не найдется человека, который не желал хотя бы одной из форм власти. Хотя на деле мы желаем многие из них, что вполне естественно и даже неизбежно, что дает нам основания еще раз утвердиться в тотальном характере власти, понимаемой в данном случае как наличие в любом субъекте (независимо от его каких-либо специфических черт, непохожести на всех остальных людей) желания, а с ним неизбежно воли к власти.

Тотальность власти, причем понимаемая двояким образом, а именно как наличие тех или иных форм властных отношений во всем общественном организме, т.е. вовлеченность всех людей в сложную и разнообразную систему властных отношений, и как всеобщее «увлечение» властью, стремление обладать той или иной формой власти, безусловно, является сущностью власти, одной из ее важнейших черт во все времена и для всех народов.

Если попытаться вкратце определить сущность самого человека, то ее можно было свести к достаточно простой формуле: желать счастья и избегать страданий, боли. Власть же, в упомянутом нами понимании, – это зачастую то, что наилучшим образом позволяет нам делать это. Имея в виду данное обстоятельство можно утверждать, что выявить сущность власти – это значит объяснить причины ее притягательности и привлекательности.

Однако очевидная бесспорность утверждения, что власть – причем не только в онтологическом, но и обыденном смысле слова – является зачастую наилучшим средством и инструментом для достижения счастья и избегания страданий, может быть поставлена под сомнение наличием достаточно распространенного типа людей практически во всех культурах и у всех народов, характеризующихся способностью сознательно, добровольно и безропотно придавать забвению собственные желания и интересы во имя кого или чего-либо.

Следует, однако, иметь в виду, что в реальном своем воплощении тотальность воли к власти совершенно не означает одинаковости силы, настойчивости, напора и уж тем более успеха отдельных волей. Конкуренция, состязание между собой множества волей создает в конечном счете сложную и противоречивую картину социальной действительности. Абсолютный характер тотальности воли к власти обнаруживается преимущественно как потенция, как желательность, как стремление преобладать, господствовать хотя бы в ничтожной части реальности, в самом себе. Однако каждая конкретная воля может быть подавлена другой волей или обстоятельствами, надломана, истощена. В реальной жизни это бывает довольно часто. Но это не нарушает самого принципа, заключающегося в стремлении преобладать, господство-

вать. Другое дело, каким именно образом воплощается данный принцип и каким конкретным последствиям приводит его воплощение. Подчинение также неизбежно, как господство, доминирование вследствие неравенства сил, возможностей и средств субъектов, вовлеченных в сложную систему взаимодействия и взаимовлияния.

Воля является сложным феноменом, непосредственно опирающимся на эмоциональную сферу человека, на его аффекты, что побуждает нас с должной тщательностью проанализировать вопрос об их воздействии на волевую сферу. Если воля к власти является своеобразной основой властных отношений, то эмоциональная сфера выступает как их подоснова, подпочва и в этом своем качестве требует соответствующего рассмотрения.

Человеку от природы, т.е. в силу собственного естества, свойственно желать счастья. И, как правило, чем больше счастья он получает, тем больше его желает. Именно этим обстоятельством, по нашему мнению, можно объяснить максимум, высказанную британским историком, политиком и лордом Джон Актон еще в XIX веке. «Власть развращает, – утверждал он, – абсолютная власть развращает абсолютно. Среди того, что ведет к деградации и деморализации человека, власть – самая постоянная и активная сила»¹. Приблизительно в этом же духе высказался известный французский поэт Поль Валери, утверждавший: «Власть теряет все свое очарование, если ею не злоупотреблять»². Характерно, что люди, когда-то располагавшие значительной властью и привыкшие к ней, а затем в силу каких-либо обстоятельств однажды лишившийся ее, как правило, глубоко переживают состояние собственного безвластия.

Аффекты, как эмоциональный мир в целом, являются, как и воля, основой человеческого существа, с другой стороны, они сами по себе выступают стимулами к власти. Точнее, стимулами выступают сознательные и бессознательное желание личности к некоторому внутреннему состоянию, которое можно определить словами – удовлетворение, радость, блаженство, наслаждение, счастье. Можно, конечно, сетовать на несовершенство человеческой природы. Однако она такая, какая есть. И игнорировать это означает впасть в заблуждение.

Постоянная естественная ориентированность человека на собственные интересы, когда он неспособен «долгое время приносить в жертву личные интересы ради общего блага», и при этом «не следует обвинять человеческую природу в развращенности», с одной стороны, является проявлением его эгоистической природы, а с другой – выступает как надежная, долгосрочная основа любого рода отношений, включая, конечно, политические и властные. Данное обстоятельство во многом объясняет в принципе одинаковое политическое поведение людей. Особенно же, когда речь идет о завладении и удержании власти, что с наибольшей очевидностью проявляется на примере тоталитарных режимов.

¹ Душенко К.В. Большая книга афоризмов. – М., 2007. – С. 107.

² Там же.

Во второй главе – «Цивилизационные основы системы властных отношений» – выявляются цивилизационные основы и специфика системы властных отношений, через феномен государства определяются универсальные черты власти, а также то, каким образом государство влияет на характер и особенности власти у различных народов и типов культур.

В первом параграфе – «Государство и универсальные черты феномена власти» – через феномен государства выявляются универсальные черты власти.

В политической сфере власть представляет собой ничто иное, как способность определенной социальной группы или класса осуществлять свою волю, оказывая воздействие в необходимом направлении на деятельность других социальных групп или классов. В отличие от других разновидностей власти – к примеру, родительской, семейной, общественной и др. – политическая власть оказывает свое влияние на наибольшие группы людей, используя для этих целей специально созданный аппарат и специфические средства. Наиболее значительным по масштабам, своему влиянию, силе и т.д. компонентом, а вернее, совокупностью компонентов политической власти является государство. Другими словами, в пределах государственного бытия власть, как целостный феномен, получает свое высшее развитие.

В пределах государства, обязательным условием существования которого является наличие определенной территории, закрепленной за той или иной общностью, формируется общее культурное и духовное пространство для данной общности. Таким образом, само государство выступает в качестве неперемennого условия для ускоренной эволюции упомянутого пространства, поскольку реально оно возникает еще до возникновения государства как такового. В дальнейшем оно принимает активное участие в организации данного пространства и придании ему относительно завершенной формы. Власть же при этом выступает не только необходимым атрибутом государства, но и его наиболее действенное средство.

Когда речь и идет о государстве и власти, характере их взаимодействия, можно констатировать наличие двух моментов в данной системе: универсального – независящего от времени, специфических черт истории и культуры того или иного народа, образовавшего государство; и особого – обусловленного именно временным фактором, специфическими чертами истории и культуры.

Власть, представляя собой необходимое и неизбежное явление в жизни любого социума и государства, сама по себе обладает универсальными чертами, основывающимися в свою очередь на универсальном характере человеческой природы. Универсальное в человеческой природе составляет основу универсального в системе «государство и власть».

Несмотря на обилие трактовок института власти и подчас существенные различия между ними, представители всевозможных направлений и течений в учении о власти едины в том, что данный институт необходим в связи с его эффективностью, сопоставляемой с неэффективностью безвластия, а также в

связи с тем, что в любом социуме всегда находится группа людей, способная к осуществлению властных функций и организующая общественно-экономическую и политическую жизнь, и всегда находятся те, кто способен к исполнению соответствующих указаний и приказов. Таким образом, феномен власти необходимо предполагает существование в любом обществе и государстве, безотносительно к его культурной и прочей специфике, неизбежных отношений господства и подчинения. Необходимость и целесообразность институтов власти, дополняемые их в целом рациональным характером, составляют позитивный момент власти, независимо от того, каким именно образом она осуществляется. Власть, как справедливо указывает С.С. Алексеев, «необходима и имеет положительный характер как средство обеспечения организованности общества, его существования и развития в качестве единой целостной системы»¹. Имея в виду данное обстоятельство, можно утверждать, что глубоко ошибочно одностороннее восприятие и понимание власти как отчужденной от подавляющего большинства людей силы.

Государство, какими бы конкретными изъянами оно не страдало, какой бы противоречивой природой не было наделено, в целом, в принципе представляет собой единство всеобщего и частного интересов, соединение всеобщей и частных идей. В условиях государственного бытия неизбежно к принципу и началу личной свободы и прав присоединяется принцип и начало личной обязанности. По этой причине власть в условиях государства воплощается не только в форме насилия, но и в различных подвижных формах независимости и взаимозависимости между людьми, личностью и обществом, различными сословиями, социумами, классами.

Власть, апеллируя к сущности человека, постоянно имея дело с данной сущностью, обладает безусловными притягательными чертами. Помимо способности удовлетворять непосредственно – психологически – власть, через определенные механизмы, предоставляет возможность ее обладателю влиять на производство, распределение и присваивание различных ресурсов – как материальных, так и ментальных. При этом практически для всех сообществ характерна картина, когда те, кто занимает подчиненное положение, стремится подняться по иерархической лестнице, что не может происходить без того, чтобы не сместить тех, кто ими повелевает. Вследствие этого борьба между теми, кто обладает властью, и теми, кто стремится овладеть ею, составляет неотъемлемый элемент человеческой жизни и истории. И поэтому принципиально важным здесь становится только то, в какой конкретной форме происходит это борьба – к примеру, в мирной или, наоборот, агрессивной, враждебной – и как она отражается на общественном благополучии.

Государство никогда не представляло собой простого механического соединения различных институтов и отношений. В реальности оно всегда было формой самоорганизации различных сообществ, в которой единство этим сообществам не было навязано извне. Данная форма существовала благодаря внутреннему единству и необходимости консолидации различных сообществ

¹ Алексеев С.С. Теория права. – М.: Изд. БЕК, 1995. – С. 24.

в единый социальный организм. Сама идея государственности выстраивается на основе солидарности, вытекающей, как справедливо указывал русский философ С.Л. Франк, из онтологического единства категории «мы». «Государственное единство в лице патриотического сознания, – писал он, – более всего утверждается через интимное сознание местных областных единств, через любовь к своеобразию своего родного города или родной области, через привязанность к местным обычаям, песням, диалекту... Общество как живой организм именно постольку прочно и жизненно, поскольку оно, как всякий сложный организм, складывается как иерархическое многоединство подчиненных и соподчиненных низших общественных единств»¹. В силу вышеуказанных обстоятельств власть, наряду с насилием, располагает и другими формами воздействия, призванными и способными уравнивать взаимоотношения внутри общества и государства. К таким формам можно отнести власть и авторитет традиций и обычаев, различных организаций и институтов общества, общественного мнения и множество других форм.

С другой стороны, очевидно, что отрицательное отношение к государственной власти, неприятие ее имеет под собой почву, оно не безосновательно. Главной причиной этому является негативный опыт ее осуществления. К тому же, как указывает Ч.К. Ботоева: «Всякая власть, и главным образом государственная, всегда стремится к расширению своих властных полномочий, властного пространства, к распространению своего влияния на более широкий круг субъектов и отношений. Это неизбежно ведет к ущемлению свободы и интересов личности. Поэтому во все времена люди искали средства, с помощью которых можно было бы противодействовать произволу и различным злоупотреблениям государственной власти»².

Эволюция общественно-политических и государственных форм жизни, если оценивать ее в плоскости властных отношений, всегда была сопряжена с перераспределением власти, когда власть вождей, правителей, социальных групп, классов, государства в той или иной мере уменьшалась ценой наделения определенными правами и полномочиями остальной части общества, непосредственно не наделенной властью. Практически такая эволюция свойственна всем более или менее развитым обществам и государствам. Различия состоит лишь в формальной стороне и темпах осуществления указанного перераспределения – от чрезвычайно низких до высоких. Здесь в качестве важнейшего фактора выступала и выступает цивилизационная специфика, принадлежность. Данный фактор мы рассмотрим подробно в следующем параграфе нашего исследования. Однако независимо от цивилизационной принадлежности той или иной общности характерной и общей для всех народов чертой отношений, возникающих в обществе и государстве по поводу власти, является их динамизм. Подвижность этих отношений обусловлена поступательным характером развития самого общества и государства, приводящем к

¹ Франк С.Л. Духовные основы общества. – М., 1993. – С. 236–237

² Ботоева Ч.К. Государственный аппарат: вопросы теории и практики. – Бишкек, 2008. – С. 59.

постоянному изменению условий и форм жизни, а с ними соотношений сил и возможностей различных групп населения, классов, тем или иным образом противопоставленным друг другу. Власть, как и вся система властных отношений, не только влияет тем или иным образом на подвижность общественных отношений, пытаясь регулировать их, но и наиболее чутко реагирует на их изменения. Очевидно, что система «власть – общество» – это система с прямой и обратной связью, которая обнаруживает определенное сходство с законом сохранения вещества, в соответствии с которым, если где-то что-то убудет, то в другом месте оно прибудет.

Подвижный характер имеют границы государственной власти, которые устанавливаются в результате сложного и противоречивого взаимодействия различных общественных сил. Смещение этих границ происходит на фоне противоположно направленных тенденций. Первая тенденция обусловлена стремлением государства максимально расширить свое влияние, распространить свою власть на все сферы общественной жизни, осуществлять тотальный контроль над общественной жизнью; вторая же – стремлением остальной части общества в той или иной мере ограничить его вмешательство в свою жизнь или во всяком случае ввести в определенные рамки.

Современный российский исследователь В.С. Афанасьев выделил два предела, границы государственного вмешательства в жизнь общества: верхнюю, которую он определил как границу возможного; и нижнюю – получившую название границы необходимого или целесообразного¹. Верхняя граница, по его мнению, задается обстоятельствами объективного порядка. Во-первых, это законы природы, которые нельзя отменить и регулировать волевыми решениями и средствами. Во-вторых, это законы общественно-экономического развития, которые также находятся вне волевых средств воздействия. В-третьих, это уровень политической, правовой, нравственной и духовной культуры населения². Данный уровень является результатом длительного исторического развития общности, а также воздействия специфического комплекса внешних условий, важнейшим из которых является географический фактор, обеспечивающий соседство тех или иных народов, влияющих на культуру этноса и часто определяющих его цивилизационную принадлежность. Последняя задает тип и характер культуры, которая в свою очередь влияет на весь комплекс общественно-политических и экономических отношений.

Нижняя граница вмешательства государства, как считает В.С. Афанасьев, определяется социальной адекватностью общественных отношений, правовых предписаний и содействием государства правовому регулированию и развитию общества³. Область регулирования, ее границы и характер определяются уровнем и этапом социально-экономического развития общества, конкретной внутренней и внешней обстановкой, заинтересованностью госу-

¹ Афанасьев В.С. Современные проблемы теории законности. – М., 1993. – С. 22–23.

² Там же. – С. 23.

³ См.: Афанасьев В.С. Указ. соч. – С. 24.

дарства в регулировании тех или иных отношений. Кроме того, они определяются способностью общества к саморегулированию определенных социальных отношений, большинство из которых регулируется на основе традиций, привычек, различных этических норм и т.д., т.е. без непосредственного вмешательства государства.

В идеале организация политической власти, характер и формы ее реализации должны создать условия для наиболее полного обеспечения прав и свобод всех групп населения. Однако данный идеал вызревал длительное историческое время и он не может быть достигнут в краткое время, если тому нет соответствующих культурных предпосылок и условий. Власть, осуществляемая реальными людьми, не только имеющими определенные изъяны, недостатки, но и преследующие собственные цели, в силу данного обстоятельства имеет свои недочеты. К негативным чертам власти можно отнести авторитарность, чрезмерную централизацию властных полномочий и функций, бюрократизацию, стремление к полному подчинению личности, использованию ее в государственных целях. Наиболее негативной чертой власти является то, что она часто используется в эгоистических интересах отдельных лиц, групп, кланов или даже социальных слоев и классов. Именно благодаря эгоизму субъектов власти государство во все времена у всех народов стремилось расширить пределы своего вмешательства во все сферы общественной и экономической жизни. Однако эгоизму субъектов власти всегда противостоял эгоизм остальной части общества, имеющей собственные интересы. В результате эволюция государственной власти и реальное ее состояние определялись соотношением сил противоборствующих сторон, а также внешними условиями. К примеру, во время войн власть государства, как правило, усиливалась. Границы государственной власти всегда имели подвижный характер. И данные границы определялись и определяются целым комплексом внутренних и внешних обстоятельств и условий: историей, культурой, менталитетом этноса, его цивилизационной спецификой, внешним окружением и т.д.

В любом обществе, отмечает П.М. Рабинович, свобода каждой отдельной личности зависит, во-первых, от уровня свободы, достигнутого обществом в целом по отношению к природе и к самому себе, и, во-вторых, от ее личного участия в общественной свободе, мерой которой является свобода другой личности, сопоставляемая с первой¹. Следовательно, проблема свободы сводится главным образом к тому, какого реального уровня в своем развитии достигло общество и каким образом распределяются возможности и свобода между отдельными его индивидами. С другой стороны, и уровень свободы, достигнутый обществом, и личное участие человека в общественной жизни определяются в целом характером и уровнем культуры общности, образующей государство. Ими же определяются характер и формы распределения власти в системе отношений «государство – общество», а также степень подвижности и динамика этих отношений.

¹ Рабинович П.М. Социалистическое право как ценность. – Львов, 1985. – С. 101.

Во втором параграфе – «Цивилизационная специфика власти» – является то, каким образом государство влияет на характер и особенности власти у различных народов и типов культур.

А. Тойнби утверждал, что «культурный элемент представляет собой душу, кровь, лимфу, сущность цивилизации; в сравнении с ним экономический и тем более политический планы кажутся искусственными, несущественными, заурядными созданиями природы и движущих сил цивилизации»¹.

Достаточно очевидно и по этой причине не требует доказательств то, что государство у каждого конкретного народа, даже этнически и культурно родственных между собой, отличается от государств других народов, что обусловлено в первую очередь их историко-культурными различиями. Соответственно, отличаются друг от друга и все то, что сопутствует и имеет определенное отношение к государству и власти, которую осуществляет государство. И чем значительней именно историко-культурные различия, тем сильнее и глубже различия не только в государственном устройстве (с формальной точки зрения оно может быть достаточно близким), но и в первую очередь в системе властных отношений.

Уже давно стала традиционной в гуманитарной науке дихотомия «Восток – Запад», каждый элемент которой обладает настолько значительными формальными и сущностными различиями, что это позволяет их рассматривать их как своеобразные цивилизационные противоположности, антитезы. Так, для Запада присущи индивидуализм, высокая развитость института частной собственности, на базе которого в течение веков формировалась ценностная база с характерной для нее высокой автономии личности, наделенной соответствующими правами и свободами. Востоку же, напротив, длительное историческое время были присущи сравнительно слабая степень автономии личности, осязаемое преобладание коллективистского духа над индивидуализмом, относительная неразвитость правовых институтов, прав и свобод граждан, и за всем этим стояла высокая степень огосударствления собственности, этатизм. Государство на Востоке было, почти всегда было всевластно, на Западе же оно было ограничено правом. При том, что для обеих цивилизаций основополагающей ценностей являлись и являются стабильность, к которой изначально устремлено человеческое естество, принципиальное различие их состоит в том, каким именно образом они добивались стабильности. На Востоке она достигалась главным образом за счет консервации традиционных форм жизни, а с ними и консервации всех общественных и государственных институтов. В таких условиях и институты власти эволюционировали чрезвычайно медленно. На Западе же стабильность достигалась ценой постоянного развития, раскручивания динамического элемента цивилизации. Сообразно данному обстоятельству быстро развивались институты власти.

Если рассмотреть характер и динамику соотношения власти и права, то

¹ Цит. по: Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. – 3-е изд. – М., 2000. – С. 99.

именно на примере становления классической европейской государственности видно, что власть, находящаяся с правом в состоянии непрерывного противостояния, по мере эволюции их отношений постоянно вынуждена была отступать перед правом. Только за правом официально признается возможность и полномочие устанавливать границу власти, а также безвластие. Власть, усматривая в праве реальный противовес самой себе, стремится, тем не менее, использовать правовые механизмы для своего укрепления, что возможно лишь при условии легитимности власти, ее опоре на широкие круги населения. Наиболее динамичный характер взаимоотношений власти и права свойственен в первую очередь для Западной цивилизации. Данный динамизм, отражающий вообще динамический характер развития Европейской цивилизации, был унаследован европейцами от античной цивилизации. Античная культура была не только в значительной мере возрождена в более поздние эпохи, но, по сути, определила направление, характер и, что очень важно само по себе, темп развития европейской цивилизации. Именно благодаря данному темпу европейские народы и государства, сталкиваясь с проблемами, имеющими универсальный характер, в том числе в системе власти, преодолевали их раньше, чем это делали народы и государства. Каким бы сложным не было данное дело, европейские народы приступили к его осуществлению раньше других народов и добились заметных результатов через воссоздание демократических норм и институтов, которые получили свое развитие на значительно более мощной материально-технической базе по сравнению с античными временами. Во многом благодаря наличию данной базы европейский мир добился значительных успехов в строительстве гражданского общества.

В современном Кыргызстане идет строительство гражданского общества с соответствующими ему демократическими институтами и формами. Мы полагаем, что рано или поздно нам удастся это сделать хотя бы потому, что поступательное развитие человечества не оставляет иного выбора, кроме того, чтобы двигаться неуклонно вперед. И, следовательно, принципиальным здесь может быть только – рано или поздно и с какими конкретными издержками, что в свою очередь зависит в целом от цивилизационной специфики кыргызского народа.

Постоянно перемещаясь, кочевые народы не имели ни условий, ни возможности, ни, наконец, склонности и привычки к созидательной деятельности. Однако они периодически осуществляли завоевание тех или иных оседлых государств, которые в военно-организационном отношении стояли на весьма высоком для своего времени уровне. Кроме того, завоеывая эти государства, кочевые народы неизбежно вступали с оседлыми народами в отношения, в процессе которых, так или иначе, осуществлялся культурный обмен. Относительно часто на территориях, политически подчинившимсяномадам-завоевателям, при сохранении значительной части оседлого населения в конце концов устанавливался своеобразный культурный симбиоз. Но поскольку для сохранения своего культурного своеобразия, а вместе с ним и

себя самих как таковых номадам необходимо было придерживаться кочевого образа жизни, то их переход к оседлым формам жизни содержал в себе реальную опасность полной культурной ассимиляции кочевников, если они обнаруживали в себе способность к восприимчивости традиций оседлой урбанистической культуры. В тех случаях, когда кочевники переходили к оседлости, они культурно ассимилировались, образуя полноценный компонент оседлого и городского населения.

Ранние кочевые государства были образованы в IV–III вв. до н.э., когда «сложилась зафиксированная организация раннее государство, управляемое иерархически структурированной военно-племенной аристократией»¹. Источником власти является сила, в данном случае – военная, и вполне естественно, что ранние кочевые государства управлялись «иерархически структурированной военно-племенной аристократией». «Имперская структура, – пишет С.Г. Кляшторный, – верховной власти предопределила глубокие социальные изменения не только внутри господствующей племенной группировки, но и в зависимых от них сообществах, где резко интенсифицировались процессы политогенеза. Эти процессы нашли свое отражение и в унифицированной для всего центрально-азиатского мира политической терминологии источников»².

Имперская структура верховной власти в кочевых государствах отражает милитаристский характер самих кочевых общностей, племенных группировок, являвшихся основной структурной единицей государства. Следует отметить, что милитаристский характер ранних государств – независимо от их цивилизационной специфики – является универсальным свойством. Другими словами, практически все ранние государства возникали на основе военной мощи консолидировавшихся в единое государственное образование родов и племен. Однако одним из основных отличий кочевых государств от государств, образованных оседлыми народами, являлся их относительно низкий эволюционный потенциал, что в свою очередь обуславливает две важные черты ранних и поздних государств номадов. Во-первых, возникнув на милитаристской основе, кочевые государства продолжали свое существование до тех пор, пока у них сохранялось военное превосходство над соседними государствами, т.е., возникнув как милитаристские государства, они оставались таковыми до самого своего исчезновения, не меняя ни своей организационной основы и форм, ни функций. Во-вторых, кочевые государства существовали относительно непродолжительное время.

Пиком процессов политического генезиса в степной зоне Евразии, в которой существовали и наши предки, стало возникновение и усиление обширных военно-политических образований, которые в настоящее время принято определять как кочевые империи. Империя как военно-политическая структура характеризуется, по меньшей мере, двумя чертами, а именно: огромны-

¹ Кляшторный С.Г. Основные этапы политогенеза у древних кочевников в Центральной Азии / Проблемы политогенеза кыргызской государственности. – Бишкек, 2003. – С. 116.

² Там же.

ми размерами и наличием колониальных и зависимых территорий. Империи номадов, в первую очередь в силу особенностей системы кочевого хозяйствования, становились выражением определенной военно-политической централизации подвижных скотоводческих племен. Характеризуя ранние кочевые государства, возникшие в обширной степной зоне Евразии, В.М. Массон пишет следующее: «Заметным своеобразием отличалось и развитие в степной зоне различных форм общественной жизни, в том числе и политических, что в общем плане можно охарактеризовать как политогенез. В целом можно говорить о двух основных формах политогенеза – организационно-управленческой и военно-аристократической. В первом случае институты политической власти формируются преимущественно за счет развития в обществе организационных функций, в первую очередь, по масштабному хозяйственному регулированию. Этот путь характерен для обществ с преобладанием в экономике земледельческой сферы, особенно в форме ирригационного земледелия. Руководство этой сферой деятельности... постепенно переходит в руки жреческой корпорации... Военно-аристократический путь в политогенезе развивается в условиях повышенной значимости в жизни общества военной функции. Формирующаяся в этих условиях светская власть постепенно стремится занять в обществе лидирующее положение. ... В степной зоне военно-аристократический путь политогенеза приобрел лидирующее значение. Возможности насильственного перераспределения прибавочного продукта в виде передвигающихся стад были здесь особенно велики. Инициативные лидеры, объединявшие под своим руководством группы воинов, становящихся постепенно все более профессиональными, претендуют на особое положение в обществе. Так через военную функцию идет институализация власти»¹.

Кочевой образ жизни и кочевая ментальность не предрасполагали к государственным формам бытия. Кочевая система хозяйствования позволяла осуществлять свою примитивную экономическую деятельность вне государственных форм жизни, что в совокупности с другими обстоятельствами придавала кочевым государствам малую стабильность, устойчивость. В.М. Массон, опираясь на множество фактических данных, указывает на то, что кочевым империям (как и кочевым государствам вообще) была свойственна «внутренняя слабость, приводившая в конечном итоге к их крушению и к смене этнических приоритетов в создании подобных систем. Жесткое утверждение новой политической структуры сдерживали родоплеменные порядки. В первую очередь отсутствие строго легитимной линии в вопросах престолонаследия. Обычное право давало юридическое основание, освященное традицией, внутридинастийными склоками в правящей верхушке. Безусловно, слабым звеном было отсутствие развитого бюрократического административного аппарата. Заимствования в этой сфере у государств оседлого пояса сводились к стремлению упорядочить получение дани от подчиненных

¹ Массон В.М. Политогенез степных обществ и кочевые империи / Проблемы политогенеза кыргызской государственности. – Бишкек, 2003. – С. 101–102.

народов и покоренных областей, а не к созданию системы организационно-хозяйственного и административного управления»¹.

Обычное право, мало приспособленное под государственные формы жизни и дававшее «юридическое основание, освященное традицией, внутридинастийными склоками в правящей верхушке», отсутствие «развитого бюрократического административного аппарата», незначительные по объему и разнообразию реальные функции кочевого государства, сводившиеся главным образом «к стремлению упорядочить получение дани от подчиненных народов и покоренных областей, а не к созданию системы организационно-хозяйственного и административного управления» – все это, наряду с уже ранее перечисленными, составляли типологические черты кочевого государства, которые в свою очередь оказывали прямое и косвенное влияние на специфику и характер функционирования институтов власти в кочевом обществе.

Одной из важнейших черт кочевого общества, также непосредственно и опосредованно оказывавших воздействие на специфику и характер функционирования его институтов власти, являлось то, что оно базировалось на кровнородственных связях. В кочевом обществе, в противовес оседло-земледельческим обществам, так называемые патронимические отношения (характерные для группы семей, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархальной семейной общины, сохранявших в той или иной форме хозяйственное и идеологическое единство) и соответствующая этим отношениям патронимическая идеология, основывающаяся на склонности и идее родственной взаимопомощи, в силу низкоэффективной системы хозяйствования, в которую была вовлечена вся семейно-родственная община, имела всеобщий характер.

Патронимия, таким образом, была доминирующей формой регулирования общественных и иных отношений в кочевом социуме, основывающейся на генеалогической, кровнородственной близости и на патриархальных принципах отношений внутри семьи. Она отражала реалии кочевого социума, в котором на низовых звеньях регулировались общественные отношения на основе семейно-родовых связей, что в свою очередь было обусловлено низкой производительностью труда и спецификой процесса производства средств к существованию на основе коллективного использования пастбищ и других трудовых операций. Именно вследствие существенных различий в экономических реалиях, а также в базовых принципах существования формы и принципы государственного управления оседло-земледельческих обществ не были восприняты номадами даже в период интеграции двух типов обществ в структуре единой империи.

В третьей главе – «Эволюция системы властных отношений в кыргызском обществе» – выявляются особенности и характер эволюции системы властных отношений с древних времен до наших дней.

В первом параграфе – «Власть в традиционном кыргызском обще-

¹ Массон В.М. Указ. соч. – С. 102.

стве» – выявляются особенности властных отношений в традиционном кыргызском обществе.

Традиционное кыргызское общество, как доминирующее в социально-политических отношениях, продолжало существовать вплоть до первых десятилетий XX века. Столь длительное пребывание в системе традиционных отношений имело одним из своих следствий тот факт, что и в настоящее время кыргызы в ощутимой мере сохраняют признаки традиционного общества. И особенно заметно это в сфере политических и властных отношений.

Любое традиционное общество, независимо от времени, эпохи, хозяйственной, религиозной, этнической и прочей специфики, характеризуется рядом черт, свойственных для всех традиционных обществ, а именно:

- низкая степень восприимчивости к инновационной составляющей культуры и сравнительно низкий эволюционный потенциал;

- экстенсивные формы хозяйствования, обуславливающие стабильно низкий уровень жизни;

- абсолютное доминирование сельского населения и уклада жизни над городским, ;

- значительная неизменность общественных структур, базирующихся на кровнородственной либо сословной организации общества;

- высокая рождаемость наряду, как правило, с высокой смертностью, обуславливаемой относительно низкой ожидаемой продолжительностью средней жизни.

Все вышеперечисленные черты в совокупности обуславливают чрезвычайный консерватизм традиционных обществ. С другой стороны, низкоэффективная экономика традиционных обществ при доминировании сельского населения, характеризуемого многодетностью семей, способствует значительному возрастанию роли кровнородственных связей в системе общественных и политических отношений. В наиболее привычном виде традиционное общество представляет собой социум, пронизанный системой кровнородственных связей. Другими словами, традиционное общество – это сообщество, в котором каждый член состоит в родстве с достаточно большим количеством других ее членов. Следует отметить, что именно здесь обнаруживается одно из принципиальных различий традиционного общества от гражданского и индустриального, в которых в силу значительного преобладания семей с минимальным количеством людей над всеми остальными система родства не играет той роли, которая присуща традиционному обществу. Политическая и все прочие сферы общественных отношений, в том числе властные, в традиционном обществе пронизаны системой ценностей, базирующейся на кровно-семейном родстве.

Если применить все вышеперечисленные критерии традиционного общества к современному кыргызскому этносу, то будет достаточно очевидным, что оно вполне подпадает под подавляющее большинство из данных критериев. Последнее обстоятельство дает нам основание утверждать, что и система властных отношений в современном кыргызском обществе, являю-

щаяся органической частью совокупных общественных отношений, все еще содержит в себе многие элементы традиционализма. Сообразно данному обстоятельству мы продолжим анализ некоторых наиболее значимых, типологических черт традиционного общества, которые, само собой разумеется, характерны и для кыргызского традиционного общества.

Индивид, существующий в пределах традиционной культуры и являющийся ее продуктом, воспринимает реальность и установленный порядок жизни не только как нечто неразрывно-целостное и завершенное, но и не подлежащее изменению, инновационным преобразованиям. Его место в социуме и статус в целом определяются традицией, понимаемой в самом широком смысле.

Низкая производительность труда в традиционном обществе с необходимостью приводит к значительному усилению взаимозависимости его членов. По этой причине коллективистские принципы, нормы и установки в традиционном обществе имеют доминирующий характер. Они наиболее эффективно обеспечивают выживание как всего сообщества, так и каждого отдельного его члена. Вследствие этого вся ценностная система традиционного общества выстраивается на базе коллективистских принципов, норм и установок. В таких условиях индивидуализм, естественно, не может ни культивироваться, ни поощряться. Более того, он порицается, поскольку свобода индивидуума, так или иначе приводящая к нарушению привычного, освященного традицией порядка, воспринимается подавляющим большинством как своеволие, эгоцентризм. Традиционное общество не имеет реальной возможности материальной поддержки своих членов за пределами общины. Те же в свою очередь, как правило, не способны самостоятельно обеспечить себя, создать приемлемые условия существования. В результате возникает замкнутый круг, вырваться за пределы которого чрезвычайно сложно. Таким образом, примат коллективных интересов над частными, свойственный традиционному обществу, имеет под собой серьезные экономические основания, которые вследствие длительной общественной практики, привычки вести себя определенным образом получают в конце концов психологическое и идеологическое обоснование и закрепление. На базе примата коллективных интересов над частными, коллективистских установок и ценностей над индивидуалистскими возникает примат интересов иерархических структур в лице рода, племени, клана или, наконец, государства. Сообразно этому оценка личности в пределах традиционного общества как на коллективном, так и на индивидуальном уровне осуществляется главным образом не по ее персональным деловым качествам, активности, дееспособности, интеллекту, компетентности и т.д., а по месту, которое оцениваемая личность занимает в локальной или общей иерархической системе – родоплеменной, сословной, клановой, чиновничьей и т.д. При этом данное место имеет в глазах общества и индивидов весьма высокую статусную и властную ценность. Причем последняя явно преобладает над первой, поскольку, во-первых, затрагивает глубинные основы личности в силу особенностей самого феномена власти и,

во-вторых, открывает доступ ко множеству благ, сопряженных с исполнением властных функций. То или иное место в иерархической системе позволяет личности сообразно данному месту стяжать определенную долю власти, которая независимо от типа и характера общества обладает множеством привлекательных сторон любого плана. Власть повышает статус, а с ней оценку и самооценку личности. Кроме того, заняв то или иное место во властной иерархии, личность в любом обществе получает определенное материальное вознаграждение. И чем выше ее положение в иерархии, тем, как правило, выше вознаграждение. Однако следует иметь в виду, что в традиционном обществе, одной из характерных черт которого является относительно слабая материальная обеспеченность, личность, стяжав власть, помимо прочего получает доступ к системе распределения материальных благ, что является мощным стимулом для продвижения личности в системе власти, так как в традиционном обществе в силу низкой его производственной эффективности преобладают отношения перераспределения материальных благ над рыночным обменом. При этом элементы рыночной экономики, которые присутствуют в традиционной экономике в слаборазвитом состоянии, подвергаются, как правило, жесткой регламентации и регулированию, что ведет к значительному понижению стимулов к труду. В результате рядовой член общины в своей трудовой деятельности не стремится к постоянному получению дополнительного прибавочного продукта, ограничиваясь выработкой жизненного минимума. Низкая техническая оснащенность традиционного общества завершает общее его экономическое неблагополучие. Свободные рыночные отношения, являющиеся своего рода антиподом традиционным экономическим отношениям, неизбежно ведут к усилению процесса дифференциации общества, увеличению социальной мобильности и со временем кардинальному изменению структуры социума, что в корне не приемлет традиционное общество.

Традиционное общество, для которого характерен низкий эволюционный потенциал, не обнаруживает в себе высокие адаптивные способности и в зависимости от внешних обстоятельств активно или пассивно противодействует внешнему влиянию, иницирующему либо провоцирующему инновационные процессы в обществе. Оно таким образом вольно или невольно противится любым процессам, способным разрушить его, и для этого стремится сохранять все существующие политические и общественные институты, в том числе, конечно, властные, в неизменном виде. Однако, поскольку для любого общества, каким бы консервативным оно не было, свойственна способность к поступательному развитию, то традиционное общество в конце концов приходит к собственному отрицанию. Поэтому принципиальным здесь является то, что разные общности, этносы, народы в силу множества причин обнаруживают неодинаковую способность к преобразованию, эволюции. Каждая общность, этнос, так или иначе продвигаясь вверх по эволюционной спирали, преодолевает трудности в своем развитии с неодинаковой скоростью и, соответственно, в различные временные сроки. И вследствие

этого такие универсальные явления, в смысле их неизбежности и общеобязательности, как абсолютная власть внутри общности, корпоративность и клановые связи, были характерны для всех сообществ. Они, впрочем, характерны в той или иной мере и для многих современных сообществ. Различие состоит лишь в том, что одни народы уже прошли данную фазу, этап развития, а другие – еще нет либо прошли не в полной мере.

Традиционные общества в силу своей культурной специфики, коллективистских ценностей и предпочтений отрицают плюрализм в собственной среде и, соответственно, тяготеют к авторитаризму. Последнее помимо всего прочего обусловлено не только существующей стратификацией общества, характеризующейся незначительной степенью социальной дифференциации, но и необходимостью поддержания привычного для общества порядка и пресечения попыток несоблюдения традиционных норм и установок или их изменения.

Подавляющее большинство членов традиционного общества существует в локальных сообществах, проживающих главным образом в сельской местности, что в условиях неразвитой инфраструктуры значительно ограничивает возможности контактов и связей с другими частями общества и вследствие этого значительно повышает значение кровнородственных связей. Отсутствие у подавляющего большинства членов традиционного общества полноценной альтернативы жизни в пределах естественного автономного социума определяет специфику практически всего спектра морально-этических норм общины, их устойчивость, а также специфику и устойчивость психологических и поведенческих стереотипов в локальном сообществе.

Частые военные конфликты наряду с постоянной их угрозой и вовлеченностью подавляющего большинства мужчин в военное дело с необходимостью привели к тому, что организационные формы кыргызских родов стали носить военный характер.

Военная демократия в традиционном кыргызском обществе, несмотря на значительные ее несходства с развитой гражданской демократией, тем не менее, предполагало определенное равенство между членами сообщества, и в первую очередь для представителей военного сословия, к которому потенциально относились все мужчины, способные владеть оружием. Для данного сословия был свойственен дух вольности, свободолюбия, проявлявшийся в военном братстве, благородстве и великодушии. Неслучайно поэтому, что одним из эпитетов, характеризующих Манаса, был эпитет «великодушный». Данный дух проявлялся также в отсутствии раболепия, в том числе перед властью имущими, и в относительном равенстве мужчин и женщин, о чем ярко свидетельствует, в частности, эпос «Жаныл-мырза». Однако отсутствие раболепия перед представителями власти в своих крайних формах могло проявляться и в виде неуважения к власти или к представителям власти. Вольный дух и образ жизни кочевников, несомненно, оказывали определенное влияние на институционализацию структуры политико-управленческой системы традиционного кыргызского общества.

Как известно, кыргызские роды и племена, периодически объединялись и создавали государство, которое, однако, просуществовав сравнительно недолгое время, прекращало свое существование.

Кочевое скотоводство, которым веками занималась основная масса кыргызов, позволяла им выживать и обеспечивать свое материальное благополучие вне государственных форм жизни, что, несомненно, придавало государству, если оно возникало, незначительную устойчивость. Как указывает А.А. Асанканов: «Существенным фактором, способствовавшим возникновению государственности у кочевников, было отражение внешней опасности, о чем ярко свидетельствует наличие государственности кыргызов... Однако примеры из истории государства кыргызов и Кыргызстана указывают на один непреложный факт: возникающие при необходимости внешней опасности кочевнические государства обычно существовали недолго, как только внешняя опасность отражалась или устранялась, такие государства быстро распадались. ... История показывает, что кочевнические государства могли существовать сравнительно долго только при том условии, если подчиняли земельные области и частично интегрировались в них»¹.

Род или племя в силу своей автономности представляло собой некоторое подобие миниатюрного государства. Соответственно, власть главы рода или племени представляла собой государственную власть в миниатюре, которая в условиях частых межплеменных усобиц и необходимости эффективно отстаивать интересы и права общины перед ханской администрацией выражала собой самостоятельную форму внутреннего управления. В силу указанных причин власть родоправителя, основывавшаяся, как было сказано выше, на патриархальных началах, во взаимоотношениях с другими родами и ханством в целом выражала и представляла интересы рода.

Система управления внутри кыргызских родов и племен перед их вхождением в состав Российской империи покоилась на раннефеодальной основе, в которой присутствовали многие элементы от предшествующих времен. Большая роль в данной системе по-прежнему отводилась традиционным формам взаимоотношений, когда экономические, политические и административные методы принуждения дополнялись морально-этической формой воздействия. Добровольное, вошедшее в привычку подчинение простых членов родов маналу, бию и авторитетному аксакалу значительно усиливалось и закреплялось моральной системой принуждения, освященной всем предшествующим опытом и традицией.

Вследствие низкой социальной дифференциации кыргызских родов, их небольшого количественного состава административное управление в них носило сословно-патриархальный характер. При этом основной формой организации кыргызов в период истории, непосредственно предшествующий советскому времени, была пастбищно-кочевая община, основной ячейкой ко-

¹ Асанканов А.А. Особенности формирования и развития государств Центральной Азии (на примере государств кыргызов) // Проблемы политогенеза кыргызской государственности. – Бишкек, 2003. – С. 173–174.

торой был аил. Община в силу ее постоянного количественного роста и усиления процесса дифференциации постепенно стала приобретать черты классового общества. Однако она все еще зиждилась в значительной мере на системе кровнородственных связей и поэтому представляла собой единый организм с множеством традиционных институтов и форм прошлого. Все это вместе, наряду с часто конфликтными отношениями с другими родами и народами, приводило к тому, что власть и влияние родоправителей, являвшихся, как правило, самыми крупными собственниками в пределах своей общины, были настолько велики, что они могли вторгаться в различные сферы общественных отношений, включая даже семейные.

Во втором параграфе – «Особенности системы властных отношений в современном Кыргызстане» –

Кыргызстан переживает в настоящее время бурный процесс модернизации, который формально и по сути начался с присоединения Кыргызстана к Российской империи. Как пишет Б. Аманалиев: «Социальные отношения киргизского общества XIX в., в составе которого насчитывалось около сорока племен, представляли собой чрезвычайно сложное явление. Переход от имущественных отношений патриархального родового уклада к имущественным отношениям феодализма в Киргизии был длительным»¹.

Кыргызский народ, не прошедший еще до конца восточного этапа и варианта своей модернизации, связанный главным образом с окончательным и бесповоротным переходом кыргызов в мусульманство, был вовлечен в совершенно иную культуру, воздействие которой он ранее не испытывал. С этого времени история и судьба кыргызов начинает испытывать кардинальные изменения.

Включение новых территорий к Российской империи означало подчинение их царскому самодержавию при отсутствии всякой перспективы создания собственной национальной государственности для новых народов, в том числе кыргызского. Фактически Российская империя инициировала процесс маргинализации кочевых народов, которые, будучи лишены права собственности на землю, были обречены на вечно зависимое положение от метрополии и тех, кто тем или иным образом защищал и представлял ее интересы. Власть родоплеменной аристократии, ограниченная пределами родов и племен, в таких условиях должна была в конце концов полностью быть ликвидирована.

С установлением Советской власти на территории Кыргызстана ситуация изменилась в корне. Именно в советский период начался процесс строительства новой кыргызской государственности, которая основывалась на принципиально новых для кыргызского народа цивилизационных принципах и началах. Соответственно, все это повлекло за собой кардинальные изменения в системе властных отношений.

Будучи частью СССР, Киргизская ССР, официально образовавшееся в

¹ Аманалиев Б. Общественная психология и религиозные предрассудки. – Фрунзе, 1970. – С. 3.

1936 году, не располагавшая реальным суверенитетом, обладал всеми характерными чертами, свойственными всей политико-административной системе Советского государства. В СССР в силу его политической и экономической специфики, обусловленной огосударствлением средств производства, система государственного управления была в высшей степени политизирована. По этой причине политико-административная система Киргизской ССР также была подвержена значительной политизации. КПСС и ее местные отделения в республиках, занимая главенствующее положение в обществе и государстве, осуществляли руководство системой государственного управления, целиком поставляя кадры для этой системы. Руководящая роль КПСС в жизни общества и государства была законодательно закреплена в во всех Конституциях СССР. Практически все основные области жизни советского общества были включены в сферу интересов КПСС, целиком монополизировавшей власть в государстве.

Советская государственность была по-своему уникальным явлением. В Конституции СССР утверждалось, что вся власть в СССР принадлежит народу, осуществляющему государственную власть через Советы народных депутатов.

Российское Советское государство, осуществив огосударствление средств производства, в корне изменив прежнюю правовую, политическую и социально-экономическую базу, организовав новые республики, тем не менее, не только не отказалось от ассимиляторской политики, которая выступала в качестве своего рода гарантии сохранения единого государства, но и стала осуществлять ее в форсированном темпе. В отношении народов, находящихся на более низкой ступени общественного развития, чем население в европейской части страны, государство тоталитаристского типа целенаправленно и настойчиво проводило политику по устранению традиционных форм жизни. Хотя оно в силу собственной советской специфики объективно способствовало сохранению и консервации определенных его элементов, главным образом связанных с коллективистскими ценностями и тенденциями.

На протяжении всего своего существования Советское государство упорно старалось искоренить одну из важнейших основ традиционного общества – трайбализм, начиная с физического устранения родовой аристократии и заканчивая ликвидацией религиозных, политических, экономических и социокультурных основ трайбализма путем перевода кочевого населения, в том числе административными и насильственными методами, к оседлости, внедрением новых видов производственной деятельности и т.д. Все эти меры должны были привести в конце концов к утверждению классового сознания, которое должно было вытеснить этническое, родоплеменное. С другой стороны, многие формы и основополагающие принципы советского государства и общества, такие как общественная собственность на средства и производства, жесткое централизованное планирование и распределение финансовых средств и материальных благ, особенно же система подбора и назначения кадров создавали благоприятную почву для консервации и латентного, не-

гласного применения правил трайбализма в обыденной и политической жизни¹.

Несмотря на все недостатки политико-правовой и общественно-экономической социалистической системы, ее тоталитарный характер, репрессивные меры государства по отношению к населению, формальный суверенитет Киргизской ССР и другие отрицательные моменты, советский период развития Кыргызстана был в целом благополучным для кыргызского народа.

Существенным, принципиальным различием советского периода истории кыргызского народа является то, что впервые за всю его долгую и многотрудную историю было создано государство оседлого типа в принципе с полноценной, способной к воспроизводству и функционированию политической и административной системой. Другими словами, в Кыргызстане была создана принципиально новая для кыргызов система власти и бюрократия. Однако кочевая культурная специфика кыргызского этноса сказывалась ранее и продолжает сказываться на всей системе современных политических и общественно-экономических отношений, в том числе в системе власти.

В советское время в Кыргызстане получило свое бурное развитие градостроительство, что придало процессу распада кыргызского традиционного общества необратимый характер. Тем не менее традиционные локальные общины, проживавшие в сельской местности, в достаточно большом количестве были сохранены в малоизмененном виде. Вместе с ними сохраняются традиционные локальные интеграторы. Промышленное развитие и процесс урбанизации происходил не через вовлечение коренного населения в город, а главным образом через приток материальных и людских ресурсов извне. Данное обстоятельство в сочетании с идеологией и экономикой коллективистского типа, государственным патернализмом и неразвитыми рыночными отношениями способствовали глубокой консервации сельского уклада жизни, а с ними многие элементы кыргызского традиционного общества, которое сохранило высокие репродуктивные способности. Все это вместе оберегало от быстрой деградации и распада традиционных форм жизни и замедляло процесс перехода кыргызов в нетрадиционные, несельские отрасли экономики.

Сохранение и консервация сельского уклада жизни напрямую способствовали сохранению традиционализма в кыргызской среде, вместе с которым, естественно, сохранялись и его основные институциональные формы, а именно: общинные структуры, основывающиеся, как и всегда, на системе кровных семейно-родственных связей; коллективистский дух, ориентированный на взаимопомощь и поддержку и ограничивающий самостоятельность индивида; определенные формы дискриминации женщин, их четко подчиненное положение; многодетные семьи и прочее. Все это вместе способствовало также сохранению прежних форм и принципов иерархии, в которой права и

¹ См.: Джунушалиев Д., Плоских В. Трайбализм и проблемы развития Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ, 2000. – №3 (9). – С. 150–151.

социальные полномочия распределялись не по горизонтали, а вертикали. Семья, сельская община, государственные органы разных уровней выступали звеньями единой социальной структуры, каждое из которых имело свою долю суверенитета, власти и свою область ее приложения. Однако определяющим в такой структуре было то, что она культурно и генетически тесно так или иначе была связана с локальными племенными или регионально-клановыми системами, которые в той или иной мере сохранялись на всех территориях республики.

Таким образом, локальные племенные и регионально-клановые системы существовали в латентном виде и скрывались за «стеной» официальной идеологии, сознательно старавшейся приукрасить действительное положение вещей для того, чтобы сохранять лояльность данных систем. Последние должны были проявить себя при первом же серьезном кризисе всей государственной системы власти. И избегание такого кризиса было, по сути, главной задачей государства.

По сути, параллельное сосуществование двух культур обеспечивало также сосуществование различных культур и систем власти, базировавшихся на различных принципах, формах и, главное, ценностных основах. Уточним, что речь в данном случае идет не об изолированных друг от друга системах власти, существующих независимо друг от друга и не соприкасающихся между собой. Более того, в формальном отношении они представляли собой единое целое, поскольку их властные функции и деятельность осуществлялась в рамках одной республики. Тем не менее, в силу значительных различий именно в культуре власти, в ментальности, ценностных и мировоззренческих установках субъектов власти, т.е. тех, кто осуществлял власть, обе эти системы не вступали в конкурентные отношения между собой лишь до определенного момента и в силу относительно благополучного течения дел, значительного ресурсного, экономического, политического и военного превосходства метрополии, способной обеспечивать относительную изолированность республики от воздействия других государств. Существовал определенный баланс между обеими системами и зоны их воздействия, ответственности. Однако любой, сколько-нибудь значительный системный кризис мог привести к нарушению баланса и привести к противостоянию обеих систем. Так, собственно, и произошло. Перестроечные процессы, вызванные к жизни значительным отставанием Советского Союза от основных своих конкурентов в своем общественно-экономическом развитии, чреватое распадом полиэтнического государства и без того разделенного на формально суверенные республики.

Неудавшаяся попытка ГКЧП в августе 1991 года сохранить СССР, а с ней и прежнюю политическую и хозяйственную систему привела в конце концов к образованию пятнадцать новых государств, в том числе Кыргызской Республики (первоначально – Республики Кыргызстан). В результате обе вышеуказанные системы власти, которые можно условно определить как городская и сельская власть, вступили в конкурентные отношения. Первая

система, лишившись поддержки метрополии и оказавшись в идеологическом и ценностном вакууме, быстро потерпела поражение, не оказав серьезного сопротивления. Неприятие местной культуры, которая так и осталась чужой, и возможность беспрепятственно мигрировать за пределы республики в государства с более благополучной политической и общественно-экономической ситуацией значительно ускорило свертывание первой системы власти. В результате в Кыргызстане в системе власти, как и в политике в целом, произошло то, что уже получило в современных гуманитарных науках определение «провинциализация политики». Данное явление свойственно, естественно, для государств, где сельское население явно преобладает над городским. Выходцы из деревень, тем или иным образом войдя во власть, привносят в нее не только самих себя такими, какие они есть, но и собственные представления, мировоззрение, привычки, ценности, интересы, принципы и прочее – словом, то, что в целом можно определить как культуру власти со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Соперничество между кланами постоянно заставляло правящую элиту Кыргызстана сохранять правильный баланс власти между различными кланами, контролируя постоянно границы их «вертикального» поля в структуре управления, либо склонять чашу равновесия в свою пользу с целью получить превосходство, которое, по логике вещей, с одной стороны, является своего рода гарантией удержания и укрепления собственной власти, а с другой – усиливает состояние собственной безопасности. И А.А. Акаев, и К.С. Бакиев и, разумеется, силы, стоявшие за ними, предпринимали безуспешные, как известно, попытки склонить чашу равновесия власти и сил в свою сторону. Оба они, таким образом, провоцировали и инициировали авторитарные процессы и тенденции в системе властных отношений. Но, как мы выяснили в предшествующем параграфе, авторитаризм вообще свойственен родоплеменной и клановой культуре. С другой стороны, наличие в единой культурной и политической системе множества сил, которые должны были так или иначе сотрудничать между собой для достижения общих целей либо учитывать интересы других сил, их способность оказывать сопротивление, противодействовать, с необходимостью порождало определенные демократические тенденции и элементы культуры. Какая из тенденций – авторитарная или демократическая – получает преобладание в каждый конкретный период или историческую эпоху зависит от множества обстоятельств и условий, в том числе общекультурного характера. В течение двадцати лет политического суверенитета мы наблюдали преимущественно как авторитарные тенденции в политической сфере и особенно в системе властных отношений получали превосходство над демократическими. Традиционное общество и соответствующая ему клановая культура объективно тяготеет к авторитаризму. В настоящее время в государственной и общественно-политической системе страны продолжают существовать достаточно мощные авторитарные тенденции, обусловленные тем, что наиболее влиятельные политические, административные, финансовые группировки, объединенные главным образом по кланово-

му принципу, стремятся заполучить как можно больше власти. Ее обретение, безусловно, усиливает положение этих группировок.

В условиях длительного системного кризиса, мощных миграционных процессов, обеднения значительной части населения республики, ухудшения межэтнических отношений для людей, идентифицирующих себя по каким-либо локальным признакам и принципам, резко актуализируется принадлежность к какому-либо клану, выступая на первый план. Поддержка и протекция своего соплеменника либо члена своего клана является обычной практикой в политической и административной системе Кыргызстана. Практически во все времена родство для кыргызов с их относительно высокой репродуктивной способностью выступало основной ценностью, и у нас нет оснований считать, что система родства, как, естественно, и само родство, игравшее в течение тысячелетий огромную роль в жизни кыргызских общин, вдруг уступит место политической необходимости и целесообразности, имеющих в сознании индивида традиционного общества абстрактный характер. Повседневная жизнь с ее заботами, нуждами, привязанностями, привычками и т.д. заставляют вести себя определенным образом, ориентируясь при этом на повседневные нужды и привычные ценности.

В настоящее время в Кыргызстане идет строительство гражданского общества, которому присущи свои формы властных отношений и которое выстраивается на иной ценностной основе по сравнению с традиционным обществом. А из этого следует, что сохранение традиционного общества, его базовых ценностей и компонентов автоматически означает отрицание в той или иной форме гражданского общества, и, наоборот, строительство и утверждение гражданского общества означает отрицание традиционного, которое в конце концов должно сойти с исторической сцены в силу логики общечеловеческого развития, обрекающей глобальное сообщество на непрерывный процесс модернизации. При таком условии такая же судьба ожидает и кыргызское традиционное общество, а вернее, то, что осталось от него в настоящее время. В строгом смысле оно не является традиционным, поскольку в нем присутствуют в разных и весьма подвижных пропорциях элементы как традиционного, так и модернизированного общества, причем последнее получает все большее преобладание.

В заключение приводятся следующие выводы проведенного исследования.

1. Власть и общество возникли одновременно и вместе прошли длительный эволюционный путь. Власть имеет множество степеней, оттенков и форм проявления. В силу непрерывной актуальности проблемы власти и чрезвычайной важности данного феномена в жизни государства и общества, ее тотального характера, власть является одним из основных объектов анализа многих других гуманитарных наук. При этом проблема «человек и власть», представляющая собой своеобразную квинтэссенцию всех проблем, вращающихся вокруг феномена власти, является в большей мере философской, чем какой-либо другой.

2. Наиболее полное и адекватное выражение понятие власти находит в политической сфере. Власть, осуществляемая государством, его институтами и должностными лицами, является политической властью. Она отличается совершенством внутренней организации и степенью подчинения себе управляемых. Власть, как и государство, составляет один из ключевых элементов мира политического. Для выяснения природы власти, ее наиболее значимых черт, формальных признаков использовались подходы, средства и методы, явно выходящие за рамки собственно политической науки.

3. Особенностью рассмотрения и интерпретации власти как философской категории, обладающей наивысшей степенью обобщенности, характеризуется наибольшей степенью дифференциации, когда объектами осмысления становятся моральность и аморальность власти, ее непосредственная ценность и ценности, обусловленные обладанием властью, связь и соотношение между властью и ответственностью, влияние социальных норм на характер власти, допустимые границы применения власти, соответствие власти принятым в обществе социальным нормам, традициям и нравам и др. В поле зрения философской рефлексии неизбежно попадает эмоциональная, аффективная сфера человека. Власть же, оцениваемая в аффективной плоскости часто является подлинной страстью, всепоглощающим влечением, которому трудно противостоять.

4. Воля к власти является своеобразной основой властных отношений, эмоциональная же сфера выступает как их подоснова, подпочва. Сущность власти, как и сущность ее субъекта – человека, не только проявляется через его эмоциональную сферу, но и находится в ее пределах. Уверенность, удовлетворение, удовольствие, радость, упоение, наслаждение, восторг, восхищение и подобные чувства являются для человека желаемым для него состоянием и непосредственной целью его действий и жизни в целом. С другой стороны, человек стремится избегать противоположные чувства. И власть способна обеспечить наиболее приемлемое положение субъекта в социальном пространстве, завладев которым, он может контролировать окружающую его действительность и формировать ее в удобном ему направлении.

5. Сущность власти, если ее оценивать в категориях эгоизма, интереса и желания, сводится к ее способности эффективно ограждать личность от внешних посягательств, обеспечивать удовлетворение ее желаний и интересов, даже в ущерб чужим желаниям и интересам, и не нести при этом ответственности. Эгоизм влияет на характер власти, формы ее реализации при наличии общей тенденции, обуславливающей ее направленностью на удовлетворение и обслуживание интересов субъекта, наделенного или желающего власти. Власть именно потому и приобретает особую привлекательность в глазах человека, что она в первую очередь используется для удовлетворения его эгоистических запросов.

6. Независимо от цивилизационной принадлежности общности общей для всех народов чертой отношений, возникающих в обществе и государстве по поводу власти, является их динамизм. Подвижность этих отношений обу-

словлена поступательным характером развития самого общества и государства, приводящей к постоянному изменению условий и форм жизни. Подвижный характер имеют границы государственной власти, которые устанавливаются в результате сложного и противоречивого взаимодействия различных общественных сил. Смещение этих границ происходит на фоне противоположно направленных тенденций, первая из которых обусловлена стремлением государства максимально расширить свое влияние, распространять свою власть на все сферы общественной жизни, вторая же – стремлением остальной части общества в той или иной мере ограничить его вмешательство в свою жизнь ввести в определенные рамки.

7. Любое государство подвержено изменениям, эволюции. Если государство не обнаруживает в себе способности к преобразованию, то оно, исчерпав свой потенциал развития, сходит с исторической сцены. Вместе с государством неизбежно эволюционируют институты и формы государственной власти. На самой поздней – демократической – фазе развития государства власть приобретает институционализированный характер, отделяясь от личности конкретного руководителя, главы государства или правительства. Все они, в конечном счете, предстают в глазах граждан и управляемых как должностные лица, простые агенты государства. В целом эволюция, развитие государств, связано с тенденцией деперсонализации власти, которая в настоящее время приняла глобальные масштабы.

8. Одной из важнейших черт кочевого общества, оказывавших воздействие на специфику и характер функционирования его институтов власти, являлось то, что оно базировалось на кровнородственных связях. Патронимия была доминирующей формой регулирования общественных и иных отношений в кочевом социуме, основывающейся на генеалогической, кровнородственной близости и на патриархальных принципах отношений внутри семьи. Она отражала реалии кочевого социума, в котором на низовых звеньях регулировались общественные отношения на основе семейно-родовых связей, что в свою очередь было обусловлено низкой производительностью труда и спецификой процесса производства средств к существованию на основе коллективных форм хозяйствования.

9. Кочевое скотоводство, которым веками занимались кыргызы, позволяла им выживать и обеспечивать свое материальное благополучие вне государственных форм жизни, что придавало государству, если оно возникало, незначительную устойчивость. Кризис, крушение и исчезновение государств кыргызов не приводили ни к их исчезновению, ни к катастрофическим последствиям для них. Как только государства, возникавшие на базе союзов кочевых племен, прекращали свое существование, роды и племена возвращались к исходному состоянию и продолжали вести привычный образ жизни. Государства кыргызов, возникавшие под давлением внешних обстоятельств, а не в силу внутренней потребности в них, существовали настолько непродолжительное время, что не успевали внедриться в массовое кыргызское сознание и стать существенной частью кыргызской ментальности.

10. Советский период развития Кыргызстана был в целом благополучным для кыргызского народа. Благодаря комплексу мер, предпринятых государством, в исторически кратчайший срок советской власти удалось устранить кочевые формы жизни и хозяйствования, серьезно усложнявших современное государственное строительство. Была создана политическая и общественно-экономическая база, обладающая способностью к воспроизводству. В Кыргызстане были созданы все основные элементы и предпосылки современной государственности. Впервые за всю его долгую и многотрудную историю было создано государство оседлого типа в принципе с полноценной, способной к воспроизводству и функционированию политической и административной системой.

11. В условиях длительного системного кризиса, мощных миграционных процессов, обеднения значительной части населения республики, ухудшения межэтнических отношений для людей, идентифицирующих себя по каким-либо локальным признакам и принципам, резко актуализируется принадлежность к какому-либо клану, выступая на первый план. Поддержка и протекция своего соплеменника либо члена своего клана является обычной практикой в политической и административной системе Кыргызстана. Практически во все времена родство для кыргызов выступало основной ценностью, и у нас нет оснований считать, что система родства, как и само родство, игравшее в течение тысячелетий огромную роль в жизни кыргызских общин, вдруг уступит место политической необходимости и целесообразности. Повседневная жизнь с ее заботами, нуждами, привязанностями, привычками и т.д. заставляют вести себя определенным образом, ориентируясь при этом на повседневные нужды и привычные ценности.

12. Одним из важнейших элементов и признаков модернизированного общества является город. В современных условиях процесс модернизации в его предмете, материальном воплощении тождественен процессу урбанизации. В условиях индустриальной, высокоурбанизированной культуры система родства в определенном отношении деградирует. В городах резко падает рождаемость, что приводит к тому, что количество родственников у каждого человека существенно сокращается. Трайбализм в этом случае лишается своей естественной почвы. Можно не сомневаться в том, что когда в Кыргызстане городское население будет количественно ощутимо преобладать над сельским, произойдут тектонические изменения в культуре, во всех областях общественных отношений, в том числе властных.

Основные положения диссертации отражены в следующих опубликованных работах:

1. Усекеев, Э.Ж. Цивилизованная специфика в понимании феномена власти [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Гуманитарные проблемы современности. – 2010. – Вып. 12. – С. 618-622.

2. Усекеев, Э.Ж. Онтологические основания власти [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Вестник Национальной академии наук КР. - 2010. - №2. – С.45-47.

3. Усекеев, Э.Ж. Специфическое в феномене власти [Текст] / Э.Ж. Усе-

- кеев // Вестник Национальной академии наук КР. - 2011. - №1. - С.74-77.
4. Усекеев, Э.Ж. Эгоизм как мотивационная основа власти [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Гуманитарные проблемы современности. – 2011. – Вып. 13. – С.525-529.
 5. Усекеев, Э.Ж. К вопросу о сущности государства [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Гуманитарные проблемы современности. – 2011. – Вып. 13. – С.530-534.
 6. Усекеев, Э.Ж. Традиционализм как основа властных отношений в Кыргызском обществе [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. – 2011. – Вып. 3. – С.279-283.
 7. Усекеев, Э.Ж. Некоторые типологические черты кочевых государств кыргызов [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Наука и новые технологии. – 2010. – № 8. – С.85-87.
 8. Усекеев, Э.Ж. О некоторых специфических чертах властных отношений в Кыргызском традиционном обществе [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. – 2011. – Вып. 3. – С.283-287.
 9. Усекеев, Э.Ж. Специфика институтов власти кыргызов в период Кокандского ханства [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Вестник Национальной академии наук КР. - 2011. - №3. – С.171-174.
 10. Усекеев, Э.Ж. Некоторые особенности Кыргызской государственности в Советский период истории [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Наука и новые технологии. – 2010. – № 8. – С.70-72.
 11. Усекеев, Э.Ж. Институциональные особенности власти в Кыргызском обществе в Советское время [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Известия вузов. – 2009. – № 10. – С.97-98.
 12. Усекеев, Э.Ж. Трансформация институтов власти в Кыргызстане в постсоветское время [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Известия вузов. – 2009. – № 10. – С.110-112.
 13. Усекеев, Э.Ж. Универсальное в феномене власти [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Поиск. – Алматы, 2012. – № 1. – С.132-135.
 14. Усекеев, Э.Ж. Власть как объект теоретического осмысления [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Наука и новые технологии. – 2011. – № 7. – С.229-232.
 15. Усекеев, Э.Ж. Дефиниции власти [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Известия вузов. – 2010. – № 8. – С.124-126.
 16. Усекеев, Э.Ж. Власть как человеческий феномен [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Известия вузов. – 2010. – № 8. – С.131-133.
 17. Усекеев, Э.Ж. Ф.Ницше о связи феномена воли и власти [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Социальные и гуманитарные науки. – 2011. – № 3-4. – С.44-49.
 18. Усекеев, Э.Ж. К.Маркс о властных отношениях [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Наука и новые технологии. – 2011. – № 7. – С.241-244.
 19. Усекеев, Э.Ж. Ф. Власть и эмоционально-аффективная сфера человека: проблема взаимосвязи [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Социальные и гу-

манитарные науки. – 2011. – № 3-4. – С.55-59.

20. Усекеев, Э.Ж. Властные отношения в рамках бюрократической концепции В.И.Ленина [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Наука и новые технологии. – 2012. – № 1. – С.277-281.

21. Усекеев, Э.Ж. Государство и власть: характер взаимосвязи [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. – 2011. – Вып. 5. – С.158-163.

22. Усекеев, Э.Ж. К вопросу о частной собственности, государстве и власти (на примере Афинского и Римского государства) [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. – 2012. – Вып. 2. – С.169-175.

23. Усекеев, Э.Ж. Кочевое государство: специфика и характер функционирования институтов власти [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Вестник КазНУ им.Аль-Фараби . – Алматы, 2012. – №1. – С.222-225.

34. Усекеев, Э.Ж. Проблемы государственного устройства и власти в теоретических изысканиях восточных мыслителей древности [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию доктора философских наук, профессора К.Ш.Шуленбаева. – Алматы, 2011. – С.134-137.

25. Усекеев, Э.Ж. Трайбализм, клановость как характерные черты системы властных отношений кыргызского общества [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Современность: мир мнений. – Алматы, 2012. – №2. – С.109-114.

26. Усекеев, Э.Ж. Дихотомия –«Восток-Запад»- цивилизационные противоположности и антитезы [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Вестник ТГУ им.акад. М.С. Осими. – Душанбе, 2012. – №2. – С.135-142.

27. Усекеев, Э.Ж. К вопросу о сущности власти [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Вестник Национальной академии наук КР. - 2012. - №1. – С.86-90.

28. Усекеев, Э.Ж. Платон, Аристотель о государстве и власти [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. – 2012. – Вып. 2. – С.176-179.

29. Усекеев, Э.Ж. О многогранности феномена власти [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Гуманитарные проблемы современности. – 2012. – Вып. 15. – С.521-525.

30. Усекеев, Э.Ж. Власть как объект осмысления различных научных дисциплин [Текст] / Э.Ж. Усекеев // Гуманитарные проблемы современности. – 2012. – Вып. 15. – С.525-534.

31. Усекеев, Э.Ж. Философский анализ феномена власти [Текст] / Э.Ж. Усекеев. – Бишкек, 2012. – 218 сс.

32. Усекеев, Э.Ж. Социально-политическая система КНР [Текст] / Э.Ж. Усекеев, Г.Э. Джоробекова, Н.С. Эсенаманова. – Бишкек, 2011. – 224 сс.

РЕЗЮМЕ

диссертации Усекеева Э.Ж. на тему: «Философские аспекты феномена власти», представленной на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.11 – социальная философия.

Ключевые слова: власть, сущность власти, культура, цивилизация, государство, традиционное общество, эгоизм, трайбализм, клановость, регионализм.

Объектом диссертационного исследования выступают власть как особый феномен социальной действительности. Предметом же являются сущность власти, ее цивилизационные основы и специфика, особенности и факторы, влиявшие на становление институтов власти в Кыргызстане.

Основной целью диссертации является философский анализ феномена власти, выявление особенностей его формирования и специфических черт институтов власти в кыргызском традиционном обществе, а также их состояния в современном Кыргызстане.

Методологические и теоретические основы диссертационного исследования составляют труды, взгляды, идеи и положения представителей отечественной и зарубежной философской, политической, социологической и культурологической мысли по проблемам власти, государства, этноса, культуры. В процессе исследования были использованы системный, формально-логический, исторический методы научного познания.

В Кыргызстане до настоящего времени не проводилось ни одного комплексного философского исследования, посвященного проблемам власти. В представленной работе в комплексно-системной форме предпринята попытка анализа феномена власти.

В диссертации получен ряд результатов, обладающих статусом научной новизны, а именно были: выявлены некоторые особенности философского осмысления феномена власти; определены некоторые новые аспекты сущности власти; были выявлены цивилизационные основы системы властных отношений через феномен государства; выявлены некоторые особенные моменты и черты власти, определяемые цивилизационной спецификой; был определен комплекс особенностей системы властных отношений в традиционном кыргызском обществе; выявлен ряд особенностей системы властных отношений в современном Кыргызстане.

Полученные в исследовании результаты, обобщенные в социально-философскую концепцию, могут служить в качестве основы для дальнейших научно-теоретических исследований по проблемам власти и эволюции современных институтов власти в Кыргызстане.